

ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Повесть

*Прекрасный лик твой – неземной цветник,
Рубины уст твоих – живой родник.
Разлука наша – это пламень ада.
С тобой в разлуке я зачах и сник.*

Имадеддин Насими

Стояла весна 1408 года. Поэт-хуруфит из Ширвана Имадеддин Насими, устав бродить по чужбине, ночевать в мечетях, караван-сараях и святынях, беседовать с дервишами, богомольцами, апостолами, учёными и путешественниками, возвращался в родную Шемаху. Он твёрдо решил провести остаток жизни на земле предков вместе с братом Шахханданом и хотел, чтобы Шаххандан переписал и упорядочил все его творения, созданные на протяжении многих лет.

Шаххандан, который всегда боготворил стихи поэта, переписывал их и безвозмездно раздавал в мечетях и медресе, ещё в возрасте семи-восьми лет обучился каллиграфии и книжному переплету и благодаря этому ремеслу зарабатывал на жизнь.

Шаххандан часто переписывал Священный Коран, благодаря чему знал наизусть шесть тысяч шестьсот шесть аятов и сто четырнадцать сур священного Корана и несмотря на весьма молодой возраст, пользовался особым почтением и уважением среди имамов, ахундов и мулл. Его иногда приглашали и на престижные духовные собрания и церемонии.

У Сеида Али Имадеддина Насими, получившего в Ширване титул «Поэт всех поэтов», и его брата Шаххандана были две замужние сестры. Сёстры по очереди навещали младшего брата Шаххандана раза два в месяц, приносили гостинцы, спрашивались о его здоровье.

А ежедневно Шаххандану прислуживала соседка, тётя Гюльназ, за что получала жалованье – три-четыре дирхама в месяц, не считая дополнительных поощрений...

Ближе к полудню соседские детишки, наигравшись в прятки и догонялки и вволю сразившись крутыми крашеными яйцами, прибежали к дому Шаххандана и закричали в один голос:

– С тебя магарыч! Прибыл твой брат!

Счастью Шаххандана не было предела. Открыв мешок со сладостями, он щедро раздал детворе изюм, конфеты и различные сухофрукты.

Сеид Али Имадеддин Насими дважды в год садился на верблюда и направлялся то на запад, то на восток, терзаемый вечными сомнениями, бушующими в его душе; бунтарский, жадный до знаний ум кидал его в разные страны, где он стремился узнать побольше о мире, и в каждой стране проповедовал он собственное убеждение – хуруфизм. Теперь его неожиданное возвращение на родную землю зародило в душе Шаххандана проблеск надежды: «Может, он уже перестанет упорствовать и женится наконец? Ему скоро сорок лет, и давно пора обзавестись семьёй!»

Ещё в годы учёбы в медресе Сеид Али влюбился в красивую девушку по имени

Хусния, но свои чувства он хранил втайне ото всех. Застенчивый поэт, не сумевший открыть сердце и объясниться в любви, воспевал свои чувства, томясь в бесконечных страданиях. Воистину, неисповедимы пути Господни – через некоторое время сад его души, украшенный цветами любви, был поражён листопадом печали...

Шестнадцатилетнюю Хуснию, не ведавшую о любви Сеида Али, родители забрали из медресе и насильно выдали за другого. Юная девушка пустила в душе Сеида Али такие глубокие корни, так сильно запечатлелась в его сердце, что больше никто не мог занять это место. Все мысли и воображение поэта, его счастье и духовное богатство были связаны лишь с его любовью.

* * *

Весть о внезапной смерти в феврале 1405 г. Тамерлана, завоевавшего бесчисленное количество стран и разрушившего множество царств, погрузила Ближний Восток и Среднюю Азию в выжидательное, напряженное молчание. Страны и царства, воспринявшие это событие, как хороший подарок судьбы, свободно вздохнули, начали постепенно восстанавливаться и развиваться.

Одним из первых воспрянул духом Гара Юсиф, считавший себя потомком племени Бахарлы и долгие годы томившийся в темнице в Египте. Смерть Тамерлана сильно обрадовала египетского султана – услышав эту весть, он освободил Гара Юсифа из темницы, подарил ему мешок золота и коня и, дав ему провожатого, повелел:

– Ты свободен! Ступай на свою родину и взойди на престол, если сможешь.

Гара Юсиф вскочил на коня и с благодарностью взглянул на султана:

– Я никогда не забуду, что вы вернули меня к жизни. Уверяю вас, вы никогда не пожалеете об этом. Ибо не верю, что после Тамерлана и Тохтамыша кто-то может одержать верх надо мной.

– А как же тимуриды, джалаиры? – с иронией напомнил султан. – Ты пока что одинок на поле боя, а они расставили в Тебризе огромные полчища.

Воздев руки к небу, Гара Юсиф промолвил:

– Достопочтенный султан, если человек умен, силен и смел, то у него будут и полчища, и победы. До свидания! Сочту за честь как-нибудь пригласить вас в гости – надеюсь, не откажете.

Ухмыльнувшись, султан отшутился:

– Вряд ли... Стоит мне оставить араба без присмотра хоть на один день, то один Аллах ведаёт, что он натворит...

Гара Юсиф был сильно истощён – как физически, так и духовно. Он решил на некоторое время остаться в Египте и отдохнуть. По утрам он заваривал кофе на раскалённом песке, любовался боем верблюдов, в полуденный зной дремал в тени финиковых деревьев у бассейнов с кристально чистой водой, сверкающей под солнечными лучами, как алмаз, а по вечерам наслаждался искусством танцовщиц и предавался любовным утехам, словно отыгрываясь за тяжёлые дни, проведённые со связанными руками на каменном полу темницы...

Невзирая на оптимистичные пророчества колдунов и мистиков, предвещающих победы, Гара Юсиф не хотел ехать в Тебриз поспешно, без надлежащей подготовки. Именно поэтому он потратил часть золота, подаренного египетским султаном, на гонцов и дал им поручения:

– Пусть каждый из вас въедет в Азербайджан с разных сторон, объедет города и сёла и оповестит народ о моём приезде, чтобы готовились встретить меня!

Отпустив гонцов, Гара Юсиф принялся готовиться в путь. К нему отовсюду присоединялись честолюбивые искатели приключений, грезящие о подвигах; они клялись ему в верности до гроба и выражали желание бороться до последней капли крови во имя единой цели. Когда Гара Юсиф прибыл к Нахчывани, вокруг него было

не менее пятидесяти тысяч бойцов, вооружённых до зубов. Мираншах, чувствовавший себя в Тебризе после смерти Тамерлана как рыба в воде, перегородил путь Гара Юсифу на берегу Аракса, но, не решившись сразу же вступить в бой, отправил своему внезапно появившемуся неприятелю письмо следующего содержания: «Египетский султан, который всегда с пеной у рта твердил о верности и доверии, совершил большую ошибку, освободив тебя из темницы. За это он будет наказан по всей строгости. А тебе я советую сдаться! Какая тебе разница – тюрьма в Каире, или темница в Тебризе?!»

Письмо Мираншаха не на шутку разгневало Гара Юсифа. Приказав немедленно отрубить посланцу голову, он проскакал во главу войска и протянул руку в сторону врага:

– Этот недоумок считает, что унаследовал у своего хромого отца его дух и доблесть!

Промолвив эти слова, Гара Юсиф хлестнул коня и стрелюю помчался на врага. Тимуриды, не удержавшись перед натиском доблестных бойцов Гара Юсифа, бросились врассыпную. В итоге Мираншах, потерпевший поражение в первом же бою после смерти Тамерлана, пропал без вести и его не удалось найти.

Однако опытный Гара Юсиф, проявив терпение и стойкость, не совершил поход на Тебриз даже после этой быстрой и триумфальной победы, так как его посланцы принесли весть о том, что оставшиеся войска Мираншаха стянулись к городу и расположились вокруг него, так что пробиться через эту преграду невозможно. По этой причине Гара Юсиф – полководец новой эпохи возрождения династии Гарагоюнлу – решил не двигаться с места, пока не будет полностью уверен в своей победе, и тщательно подготовиться к решающему бою...

* * *

Именно в тот период гордость Азербайджана, великий поэт Сеид Али Имадеддин Насими, прибыл в Шемаху на навьюченном верблюде. Шаххандан встретил брата возле городских ворот.

Сеид Али сошёл с верблюда и обнял брата.

– Слава Аллаху, – сказал он, – как ты вырос... И если вместе с ростом возросла и твоя мудрость, то...

– Клянусь Аллахом, брат, – серьёзно ответил Шаххандан, – я не могу судить ни о своём росте, ни о мудрости. Тебе виднее...

Сеид Али внимательно оглядел брата:

– Вот я и вижу, что вырос, Шаххандан... – и неожиданно спросил: – А кто сейчас шах в Тебризе?

Шаххандан, радостно взволнованный, что видит брата, осторожно ответил:

– Братец, дай-ка нам доехать до дома и потом уже задавай свои вопросы. Какая тебе разница, кто там шах?

– Что значит «какая разница», родной? Если кончики усов у шаха повисли вниз, то повиснут вниз и усы у всех мужчин. Наоборот, если усы у шаха направлены вверх, то у всех мужчин будет то же самое. То есть положение усов жителей страны зависит от направления кончиков усов одного человека. Теперь понял?

– Понял.

– Вот и прекрасно. Теперь ответь – кто в Тебризе шах?

– Никто.

– Как это – никто?

– Уже несколько дней, как между Гара Юсифом и Мираншахом идут бои не на жизнь, а на смерть. И ещё неизвестно, кто из них одержит верх.

– Ясно. Значит, положение усов ещё не установлено.

Оба рассмеялись.

Сеид Али порывисто обнял брата, так что у того слетела с головы тюрбетейка.

Открыв деревянные ворота, они вошли во двор. Пёс по кличке «Гачалан», увидев своего хозяина – Сеида Али, потянулся, попрыгал, лъстиво помахал хвостом и не забыл полаять на верблюда, которого он видел впервые.

Сеид Али обратился к Шаххандану:

– Ну что ж, братец, милый, ты разгружай верблюда, а я пройду по саду, погляжу, все ли деревья целы...

Шаххандан принялся снимать поклажу с верблюда – переметные сумы, расшитые разноцветными нитями, были набиты до отказа. Показывая Сеиду Али мешок, полный драгоценностей, Шаххандан сказал:

– Все пути-дороги кишат бандитами и разбойниками... Как же тебе удалось провезти столько драгоценностей в целостности и сохранности?

– А вот это, братец мой, тайна! Хочешь, раскрою...

Шаххандан взглянул на брата с явным любопытством:

– Раскрой!

– Значит, так: все эти богатства, эти драгоценности мне подарили сами же бандиты и разбойники. Вашего покорного слугу...

Шаххандан растерялся:

– Бог с тобой, братец... – перебил он в изумлении.

– Так вот, вашего покорного слугу знают повсюду. Увидев меня, все прибегают, сажают на почетное место, восклицают: «Подарки поэту! Вознаградите поэта!»

– А ты как? Принимаешь эти богатства, приобретённые нечестным путём, набиваешь в сумы и тратишь направо-налево?

– Ошибаешься, братец! Разумеется, вернуть эти драгоценности их подлинным хозяевам невозможно... Однако я могу раздать их неимущим и нуждающимся. Я привёз их беднякам Шемахи – раздай их, но постарайся, чтобы шах и богачи не узнали об этом.

Оба рассмеялись.

– Если хочешь, раскрою тебе ещё одну тайну, – сказал Сеид Али.

– Конечно, хочу, – поспешно ответил Шаххандан.

– Ты хоть знаешь, как эти бандиты и разбойники любят стихи и газели?

– Ты шутишь?

– Нет! Всё так и есть. Стоит прочесть для них один стих, уже не отстают, кричат, требуют: «Давай ещё! Прочти ещё! Ещё хотим!»

– А ты, слава Аллаху, кладёшь поэзии...

– А куда я денусь... Впрочем, я не против! Главное – затронуть кому-то душу...

– Интересно, а как на них действуют твои стихи?

– На каждого по-разному... Кто-то плачет навзрыд, кто-то не понимает, некоторые погружаются в раздумья... Один из них мне сказал: «Ты единственный, кто пишет правду, служит истине и справедливости». «Откуда знаешь?» – спросил я. На что он ответил: «Ну вот, ты говоришь: *В меня вместятся оба мира, |Но в этот мир я не вмещусь.* Это действительно так. Человек не стоит на одном месте – если сегодня ты мысленно на востоке, то завтра – на западе, если сегодня на юге, то завтра – на севере! Человеку мало этого мира». Каждый из них выражает свое личное и довольно-таки своеобразное отношение.

– Братец, родной, – сказал Сеид Али, помолчав, – ты не смотри на их злодеяния – у них в глубине души царят искренние, порой даже нежные чувства! Будь я шахом, я за один день наставил бы их на путь истинный. Ну да ладно... За садом, как я вижу, ты ухаживаешь неплохо. Посадил новые деревья. Да и розы расцвели, переливаются изумительными оттенками. Черенки расцветут, если не в этом, то в следующем году точно.

– Один из них уже пустил почки...

– Я что-то не заметил...

– Прямо под листьями.

– Прячется?

– Видимо, да...

– Значит, плод будет нежным...

– Тебе лучше знать, братец...

Сеид Али поменял тему:

– Братец, я преодолел долгий путь. Проголодался, да и истосковался по вкусным шемахинским блюдам.

– Тётя Гюльназ только что приготовила жаркое, – сказал Шаххандан. – Принести?

– Конечно, принеси!

Шаххандан развернул скатерть на балконе, разложил жаркое по тарелкам, положил зелень и сыр, наполнил пиалы шербетом. Промолвив «бисмиллах», братья сели обедать.

Уплетая жаркое, которое он давно не отвеживал, Сеид Али спросил:

– Значит, говоришь, Гара Юсиф и Мираншах, сидя один в Тебризе, другой в Нахчыване, огрызаются друг на друга?

Шаххандан нахмурился, опасливо проговорил:

– Братец, это говоришь ты, а не я!

– А что, испугался? – промолвил Сеид Али с лёгкой ухмылкой.

– А как же? Я ведь не Сеид Али Имадеддин Насими, чтобы не бояться высказывать всё, что в голову взбредёт. В Шемахе даже стены имеют уши.

– Ты прав, братец, – ответил Сеид Али серьёзным тоном. – Мир уже не тот... Большинство людей словно появились на свет с одной-единственной целью – ябедничать Ширваншахам.

Он вытер рот платком и, помолившись, опустошил пиалу с шербетом.

С изумлением и горечью глядя, с каким аппетитом брат уплетает жаркое, как жадно, залпом выпивает шербет, Шаххандан прослезился и невольно шепнул: «Да убережёт нас Аллах от испытаний на чужбине!»

Наконец Сеид Али встал.

– А теперь убери скатерть, напои верблюда, – дал он брату поручение, – а затем расскажешь, какие события произошли в Ширване за время моего отсутствия.

Шаххандан внезапно вскричал:

– Вай-вай!.. Я же тебе кофе готовил... Наверно, уже весь выкипел...

Он ринулся к очагу и вернулся с туркой – к счастью, кофе не выкипел.

Налив кофе в пиалу, Шаххандан поднес её брату:

– Братец, ты выпей, а я уберу скатерть и займусь верблюдом...

Глядя на застывшую белую пену кофе, Сеид Али вдруг вспомнил свою первую любовь – Хуснию, кувшин с водой на её плече, когда она шла с родника, и мак, вплетённый им в её чёрные косы, и в глубине души ощутил ноющую боль...

В это время Шаххандан вошёл в комнату:

– Ну, брат, верблюд твой спит, то есть, закрыл глаза, но челюсть беспрерывно шевелится, как мельничный жернов – видимо, ему приглянулся трёхлистный клевер...

Сеид Али рассмеялся:

– Шаххандан, родной, оставь верблюда в покое, расскажи мне о Ширване...

– А что мне рассказывать о Ширване? Этот Ибрагим совсем голову потерял...

Одним глазом уставился на Тебриз, а другим – на Нахчыван...

Оглянувшись, Сеид Али шепнул:

– Вот это уже твои слова!

Оба одновременно переглянулись.

– Да что ты такое говоришь? Это же уму непостижимо – как может быть у одного человека два хозяина?

– Клянусь твоей головой, это правда. Об этом ведаёт вся Шемаха.

– Но ведь это крах чести и достоинства Ибрагим-шаха?!

– А он давно потерял и честь, и достоинство...

– В этих вопросах хорошо разбирается мой умный верблюд – вот проснётся, спросим. Но если это действительно так, то Ибрагим-шах играет в опасную, двойную игру. Посланец Мираншаха может поехать в Тебриз и сказать, что Ибрагим-шах отсылает дань Гара Юсифу. А гонцы Гара Юсифа придут в Нахчыван и объявят, что этот идиот платит дань Тебризу. То есть у Ибрагим-шаха семь пятниц на неделе. Глупая затея...

Шаххандан, всё это время терпеливо выслушивающий брата, неожиданно вышел из себя:

– Ей-богу, братец, меня не интересуют ни Ибрагим-шах, ни Гара Юсиф, ни Мираншах! Ты лучше скажи – женишься ли ты хоть на этот раз? Или так и будешь до конца жизни сочинять газели, посвящённые выдуманному красавицам? Хватит уже, – принялся он упрекать брата сродни пожилым людям, – хорошего понемножку. Ты хоть знаешь, какие небылицы выдумывают про тебя люди за глаза?

– И какие же? – с удивлением спросил Сеид Али.

– Говорят, что якобы ты во время своих путешествий предаёшься любовным утехам с турчанками и арабками – аж так стараешься, что по прибытии в Шемаху у тебя не остаётся сил, чтобы жениться...

– Прямо так и говорят?

– Да, так и говорят!

– Братец, душа моя, – вздохнул Сеид Али, – я уже сказал своё слово. Ни на ком, кроме Хуснии, я не женюсь!

Шаххандан, словно ожидая этих слов, решил выложить всё по порядку:

– Братец, ты хоть знаешь, что произошло после твоего отъезда?

Сеид Али побледнел:

– Что произошло? – взволнованно спросил он. – Неужели...

– Нет, не скажу. С тебя магарыч!

– Какой ещё магарыч? – рассердился Сеид Али. – За что магарыч?! – затем вынул из кармана два динара и протянул Шаххандану: – Ответ немедленно – что с Хуснией?

Шаххандан, шутя и ёрничая, постучал монетами о зубы, как бы проверяя подлинность, затем, довольный, положил их в карман и, качая головой, проговорил:

– Это долгая история, но весьма интересная, так что расскажу... Значит, муж Хуснии – муфтий Абубакр – вынес фетву о казни двух последователей конфессии исмаилитов. Этот приговор был утверждён как Ширваншахом, так и кадиём. И, разумеется, этих людей повесили.

Сеид Али рассердился не на шутку:

– Шаххандан, к чёрту Ширваншаха, кадия, Абубакра, исмаилитов, к чёрту виселицу... Ты лучше скажи, что с Хуснией?

Шаххандану хотелось рассказать обо всём подробно, разложить всё по полочкам, но, почувствовав нетерпение брата, он перешёл к сути рассказа:

– Не торопись, братец, имей терпение, иначе запутаюсь... Значит, через месяц после казни из Дагестана прибыли несколько всадников, подожгли в квартале Девечиляр дом муфтия Абубакра и убили его вместе с детьми от первого брака.

– А Хусния?

– Хусния потеряла сознание. Они сочли её мёртвой и не тронули. После того, как всё успокоилось, Сальминаз...

– Какая Сальминаз?
– Овдовевшая подруга Хуснии... Она забрала Хуснию к себе домой. Та до сих пор у Сальминаз.

– Вот оно что... Да, весьма печальный, несчастный случай... Ну, хорошо, маленький ты хитрец, а за что же ты взял с меня магарыч?

– Как за что? Ведь Хусния жива... По-твоему, эта весть недостойна магарыча?

– Что правда, то правда... Даже двух динаров мало за такую весть...

– Тогда гони сюда ещё один динар! Не скупись! Знал бы ты, сколько динаров я потратил на магарыч тем, кто принёс весть о твоём прибытии!

– Знаю, братец, знаю!

Внезапно вспомнив о чём-то, Сеид Али встал:

– Завтра ведь четверг, нет?

– Да, а что?

– Сходим на кладбище, помолимся, помянем родителей и других усопших.

– Конечно, сходим... Ты сюда смотри...

– А что там?

– Глянь-ка, кто там, на улице?

Сеид Али подошёл к окну и узнал человека, на которого показывал брат – это был Кафиаддин, что учился вместе с ним в медресе и никому не давал проходу. Держа на спине огромный кувшин с айраном, он созывал клиентов. Воистину, неисповедимы пути Господни – Кафиаддин, забияка и силач, некогда бросавший вызов не только своим сверстникам, но и старшим по возрасту, нынче зарабатывал на жизнь, горбясь под тяжёлым кувшином.

– А голос всё тот же... – шепнул Сеид Али Шаххандану.

– Голос тот же, а от смелости и мужества и следа не осталось...

– Почему так думаешь?

– Знал бы ты, как он боится своей жены... Все, что зарабатывает, выкладывает ей. Хочешь, позову его, нальёт нам айрана?

– Не нужно, он смутится.

– Наоборот, обрадуется. Для него главное – деньги.

– Да ладно тебе, не преувеличивай. Ему станет стыдно...

– Он забыл, что значит это слово.

– Я же сказал – не нужно. Я лучше спущусь в сад – не успел вдоволь насмотреться.

Кое-как протиснувшись сквозь заросли шиповника, Сеид Али остановился под высокой ветвистой яблоней:

– Здравствуй, мой плодovitый, щедрый зелёный мир! Слава Аллаху, ты подрос, ветви твои аж к небу тянутся...

Затем он притронулся к стволу миндального дерева толщиной в кисть руки:

– Я помню, как посадил этот миндаль несколько лет назад. По моим расчётам, он должен дать плоды уже к этой осени. Да и расцвёл он очень хорошо – даже если ветер сдует половину, оставшейся половины нам вполне достаточно. А это грецкий орех. А ты чего не вырос? Чего тебе не хватает? У тебя вдоволь земли, воды, воздуха, солнца, ещё и ухаживают за тобой, как за младенцем, холят и лелеют... Почему же ты не растёшь? Вроде, неплохо начал, но потом остановился... Наверно, корни где-то уткнулись в камень... Ничего страшного, проверим.

Но сколько Сеид Али ни старался занять себя деревьями, все его помыслы, все его грёзы были о красавице Хусние. Интересно, чем она сейчас занята? Знает ли она, что на этой земле живёт несчастный человек, который всегда грезит о ней с пламенем в сердце, и этот человек не знает, что ему делать, как ему жить без неё...

Шаххандан стоял на балконе и качал головой, прислушиваясь к словам брата, обращенным к деревьям; он понимал состояние брата, догадывался, что все его

мысли заняты Хуснией...

Летний день длился так долго, будто солнце никак не желало покинуть небо-свод. С далёких гор исходило прохладное вечернее дуновение.

Сеид Али лежал на балконе на большой древней тахте, вспоминая страны, где он побывал, мечети и караван-сарай, святые места, которые он посещал, дервишей, богомольцев, имамов и путешественников, с которыми он беседовал; в его ушах раздавался мелодичный звон колокольчиков, висящих на шее верблюдов. Холодное дуновение с гор Пирдирияи, мычание скота во дворах, бесконечный лай собак, ржание лошадей – всё это было таким родным и близким... После трёхлетней разлуки он вновь находился рядом с братом, в родной Шемахе, где он родился и вырос. За это время брат переписал его диван (*Диван – сборник стихов восточных поэтов – ред.*) в нескольких экземплярах и переплёл прочной кожей – словом, потрудился на славу, выполнил большую работу. Теперь он думал о раздаче этих томов во дворцах и мечетях.

Сеид Али нежился в мягкой постели, избавляясь от усталости долгих дней, проведённых на лошадях и верблюдах.

Шаххандан жарил на костре миндаль – хотел, чтобы брат отведал его горячим. Но увидев, что Сеид Али сладко спит, не стал его будить.

* * *

Яркие звёзды шумной шемахинской ночи развели на небе огромный костёр, и порой казалось, что с неба сыплются искры от этого костра. Два брата – Сеид Али и Шаххандан – беззаботно спали на открытом балконе. А сторожить дом и двор, как всегда, было вверено Гачалану, выросшему в этом дворе. Он усердно лаял, будто стараясь перелаять соседских собак, показывая собственное рвение.

Поздно ночью раздались стуки. Шаххандан открыл глаза: «Опять началось...» – шепнул он про себя. Стуки раздались вновь, нарушая наступившую ночную тишину, а через некоторое время эти монотонные стуки уже раздавались непрерывно и долго не прекращались.

Шаххандан вздохнул и покачал головой. Соседские дети каждую ночь закидывали их дом камнями. К счастью, камни были мелкие и не могли пробить черепицу, но их непрерывно раздающиеся стуки сводили с ума.

Шаххандан присел в постели и взглянул на сладко спящего брата.

К этому стуку камней о черепицу ему было не привыкать – уже долгое время, как избалованная детвора не оставляла его в покое ни ночью, ни днём, обзывая «богохульником», «братом богохульника», а встретившись с ним в безлюдном месте, то и дело норовили проучить его. Всеми виной, разумеется, были стихи его брата. Как ни странно, эти газели, гасиды и гиты (*газели, гасиды и гиты – виды восточного стихосложения*) служили для братьев и источником заработка, и яблоком раздора с окружающими. На самом деле эта вражда началась с тех пор, как Сеид Али был признан в Шемахе учеником Наими (*Фазлуллах Наими (1340-1401) – восточный поэт и философ XIV века, основоположник хуруфизма.*) и стал Имадеддином Насими, а подстрекателями являлись Гулам Али, Рашид Ягуби, Бахлули, Гаим Ширвани, Ахмед Касираддин и другие довольно-таки посредственные поэты Ширвана. Они то и дело распространяли подлые слухи о Сеиде Али, писали пасквилы в его адрес, искажали его творения и ложно толковали их. Они даже писали клеветнические письма Ибрагим-шаху и кадию Абдулвахабу, требуя наказать «богохульника всех богохульников» – именно так они называли Сеида Али Имадеддина Насими. К счастью, ни Ибрагим-шах, ни кадий Абдулвахаб не обращали внимания на их злонамеренные обвинения – наоборот, они повсеместно хвалили великого поэта, приглашали его на влиятельные собрания и награждали его.

Большую часть года Сеид Али проводил в Баку, Тебризе, Халебе и Багдаде, поэтому больше всего от этих наговоров и издевательств страдал его младший брат – Шаххандан. И ему не оставалось ничего, кроме как терпеть...

Правда, у этого «юного мудреца» было немало друзей и родственников в городских кварталах Абдаллар, Халчачылар и Мисгярляр, но он и думать не хотел о том, чтобы вмешивать их в этот бессмысленный конфликт. Одного только бесстрашного дяди Хейраддина, никогда не слезавшего с коня, было достаточно, чтобы уговорить всех раз и навсегда. Но гордому Шаххандану не хотелось обращаться к дяде по такому ничтожному поводу.

* * *

Спустя некоторое время стук камней прекратился, и Шаххандан погрузился в глубокий сон. Гачалан всё ещё продолжал яростно лаять вслед негодникам, бросавших в их дом камни, но его лай не нарушал сон сладко спящих братьев...

* * *

Утром Шаххандан проснулся довольно поздно. Не увидев Сеида Али в постели, он очень удивился – ему казалось, что брат, уставший с дальней дороги, проспит до самого полудня. Но поэт всех поэтов, как всегда, встал ни свет ни заря. Ещё с детства он выработал привычку: стоило лечь в постель, сразу же засыпал и так же быстро и рано просыпался. А крепче всего ему спалось, разумеется, в родной постели, оставшейся на память от матери...

Шаххандан встал, оделся и, прихватив тетрадь со стихами брата, спустился во двор.

– Братец, – бодро воскликнул он, – некоторые твои газели и гасиды мне не нравятся. Поэтому я не буду переписывать их.

Сеид Али нахмурился и вопросительно взглянул на брата.

– Смотри, – сказал Шаххандан, как бы отвечая на вопросительный взгляд брата, – тут ты написал две газели, очень похожие друг на друга.

– Где? – спросил Сеид Али. – Покажи!

Поэт всех поэтов поставил на землю кувшин с водой и забрал у брата бумаги со стихами:

– Да, ты правильно заметил... Они внешне похожи, но по сути совершенно разные. Ты перепиши обе.

– Нет, братец, я перепишу вот эту – она лаконична и написана на нашем родном тюркском языке. Когда ты пичкаешь свои стихи арабскими и персидскими словами, мне хочется разорвать их в клочья. Ведь какой смысл писать стихи, которые никому не понятны?

– Братец, – серьёзно промолвил поэт всех поэтов. – Это хорошо, что ты вникаешь в текст и переписываешь их не поверхностно – ведь моё письмо не лишено ошибок и их необходимо исправлять. Но мысли мои не трогай – перепиши их как есть, даже если они тебе не нравятся. Люди разные, их предпочтения – тоже. А что делать, если стих, не понравившийся тебе, будет по душе другому?

Не внемля увереньям старшего брата, Шаххандан решил поступить по-своему – переписал один из двух похожих стихов, а второй спрятал.

Сеид Али умылся, вытерся и уселся на ступеньке:

– Ну ладно, братец мой родной, прочти эти стихи, которые ты считаешь похожими...

Шаххандан вошёл в дом и достал спрятанный им стих. Другой, понравившийся ему стих, он уже успел выучить наизусть. Вначале он прочитал газель, которая ему не понравилась:

*В коралловых устах прохлада рая кроется,
И на твоих губах вода живая кроется.*

*Хоть с губ твоих порой слетают птицы слов,
В них сокровенных тайн, я знаю, стая кроется.*

*Владычица моя, в моей душе больной
Давно твоя душа, меня сжигая, кроется.*

*Пустила ты стрелу, и рана с той поры
На сердце у меня, меня терзая, кроется.*

*В тени твоих кудрей сияет светлый лик,
Так в облаках ночных луна, мерцая, кроется.*

*Я, Насими, постиг: в тебе болезнь моя,
Но и в тебе моё лечение, знаю, кроется.*

*Лечи меня, мой врач, иль вовсе откажись,
Поняв: во мне болезнь чрезмерно злая кроется.*

(Перевод Н.Гребнева)

– И что же тебе здесь не понравилось? – с любопытством спросил Сеид Али.
– Братец, эта газель очень разрозненна, содержание искусственно затянута и, кроме того, как я уже отметил, в ней слишком много арабских и персидских слов. Это сложный стих, суть окончательно не ясна.

– А как тебе другая газель?

– Прочешь наизусть?

– Конечно...

Шаххандан начал декламировать вторую газель:

*Лицо твоё на вешний сад походит,
На сад, когда цветёт гранат, походит.*

*С тобой разлука наша на шипы,
Что уколоть нас норовят, походит.*

*Твой лик божественный – Аллаха лик.
На взгляд Всевышнего твой взгляд походит.*

*На солнце светлый твой походит лик
И на восход, и на закат походит.*

*Нет на земле похожих на тебя,
Хоть, может, кто-то, говорят, походит.*

*Твои ресницы на лихих людей,
На тех, что по ночам шалют, походят.*

*Факих – святоша глупый, на осла,
Как будто бы на брата брат, походит.*

*Факих не радуется ничему,
Он на вместилище утрат походит.*

*Моя любовь на полную луну,
На звёзды, что в ночи горят, походит.*

*Сам Насими – сокровище, и он
На жемчуг, на бесценный клад походит.*

(Перевод Н.Гребнева)

Сеид Али с изумлением поглядел на брата, восхищаясь его поэтической памятью, воображением, его нескрываемой любовью к поэзии, строгими вердиктами, не соответствующими его юному возрасту, его вкусом и рассудительностью.

– Хочешь, я раскрою тебе ещё одну тайну?

– Конечно, хочу, братец, – с готовностью отозвался Шаххандан.

– Вторая газель, которую ты прочёл, понравилась разбойникам и грабителям, о которых ты так нелестно отзывался.

У обоих на лице появились улыбки. Сеид Али, обняв брата, продолжил:

– Но ты пока не трогай первую газель, оставь, как есть. А теперь иди, перекусим и пойдём на кладбище. Позже мы не сможем навестить могилы родных из-за нашествия гостей...

* * *

По дороге на кладбище Сеид Али внезапно обернулся к Шаххандану и с любопытством спросил:

– А кто это ночью забрасывал наш дом камнями?

– А я думал, ты не слышал, – удивился Шаххандан.

– Я всё слышал, – ответил Сеид Али. – Просто ждал, чтобы увидеть, чем всё это закончится. А ты знаешь тех, кто бросал камни?

– Знаю... Это детишки с улиц...

– А зачем они это делают? Что, с ума посходили?..

– Они везде кричат о том, что ты – богохульник.

– Опять начались эти глупые разговоры? Они же дети, откуда им знать, что значит «богохульник» или «верующий»? Значит, эту мысль им в голову вбили взрослые...

– Конечно... Я даже знаю, кто вбил.

– И кто же?

– Мулла из медресе.

– Да, наверное, ты прав... Такие, как он, способны на это. К счастью, есть Ибрагим-шах, иначе невозможно было бы подступиться к Шемахе из-за этих диких мракобесов...

* * *

Наконец они прибыли на кладбище. Здесь, в этой земле, залитой ярким, щедрым солнечным светом, тихо и мирно лежали бок о бок люди, которые еще недавно враждовали не на жизнь, а на смерть. Сеид Али читал молитву над могилой матери. Внезапно он почувствовал на себе взгляды стоявших неподалёку людей, но не подал виду. В это время у входа на кладбище остановились два вооружённых всадника, они спешили, подошли к молле Зульфигару и что-то спросили у него. Молла указал на Сеида Али и Шаххандана. Вооружённые люди прошли по извилистым тропинкам

между могилами, подошли к братьям, и с почтением стали ждать, пока Сеид Али завершит чтение молитвы. Люди, бывшие на кладбище, с любопытством смотрели на них. Закончив читать молитву, Сеид Али поздоровался с ожидавшими его, и они некоторое время о чём-то тихо говорили. Затем вооружённые люди вернулись теми же извилистыми тропами обратно, сели на коней и уехали...

Сеид Али радостно обратился к брату:

– Ну что же, брат, готовься, вечером шах ждёт нас в гости.

Шаххандан слегка покраснел – заметив это, Сеид Али улыбнулся:

– Не бойся, родной, шах покровительствует нам. Ты знай, что я не богохульник и не безбожник. Наоборот, я верующий человек – во всех своих стихах я воспеваю веру в Аллаха, его величие. Поэтому тебе не нужно кого-либо остерегаться из-за моих творений – ни когда я рядом, ни в мое отсутствие.

Братья покинули кладбище и встали возле его ворот – у кладбища были всего одни ворота, и это было и входом на кладбище, и выходом. Среди прохожих были знакомые люди – некоторые здоровались, а некоторые молча, не обращая на них внимания, проходили мимо...

– Пошли домой, – сказал Сеид Али.

– Братец, я беспокоюсь за тебя, а не за себя, – сказал Шаххандан, когда они отошли от кладбища на приличное расстояние. – Если честно, со мной никто не враждует. Что касается уличной детворы, то их я отпугиваю именем двоюродного брата. Всё моё беспокойство – о тебе, так как богохульником считают не меня, а тебя. Я знаю, что ты ничем не заслужил такого прозвища, но люди-то не знают. Кто-то где-то проговорился, что ты – безбожник, и слухи разошлись, расползлись, как змеи. Твои газели и гасиды настолько сложны, мысли настолько глубоки, что безграмотный люд не понимает их и ему ничего не остаётся, как соглашаться, когда служители религии называют тебя богохульником.

Беседуя, они приближались к дому. Поэт всех поэтов прослезился:

– Родной мой, ты уже рассуждаешь как взрослый человек.

Шаххандан взглянул брату в глаза:

– Я вырос на твоих творениях и неоднократно переписывал священный Коран.

Не доходя до дома, Сеид Али вдруг предложил:

– Пойдём-ка на базар, посмотрим, что там... А тётя Гюльназ, наверное, уже пришла – приготовит что-нибудь, пообедаем. А вечером, иншаллах (*иншаллах – если на то будет воля Аллаха*), нас ждут на пиршестве у шаха – посмотрим, чем нас угостит дворцовый повар...

– Братец, ты на самом деле собираешься отвести меня на пиршество?

– Конечно, ты ведь не случайный человек, а известный писарь! Мирза Шаххандан!

Оба воспрянули духом от этих слов.

Они прошли мимо харчевни, кузницы, мастерских портного, шапочника, медника и гончара. Сеид Али здоровался с каждым, кто шёл навстречу – кто-то отвечал, а кто-то молча кивал и проходил мимо. Внезапно возле мастерской шапочника появился мужчина с маленькой головой на длинной шее и обнял поэта всех поэтов. Это был словоохотливый мастер Суджаддин:

– Добро пожаловать, – радостно воскликнул мастер. – Я слышал, что ты и в Египте побывал... Скажи-ка, удалось ли шаху Салахаддину изгнать христиан из священных мест?

Сеид Али смущённо покачал головой:

– Мастер, всё это было давно и былью поросло. И потом – зачем тебе это? Ты лучше скажи, за сколько дней ты сможешь сшить для моего брата хорошую папаху?

Измерив взглядом Шаххандана, шапочник Суджаддин схватил его за руку и потянул за собой в лавку.

– Куда ты его повёл? – спросил Сеид Али.

– Сделаю замер головы и отпущу...

Усадив Шаххандана на дубовую табуретку, мастер поднял вверх три пальца, давая знать, что папаха будет готова через три дня.

Шаххандан вернулся к брату, и они прошлись по базару. Сеид Али купил масла, мёда, сливок, халвы, риса, шафрана, имбиря и корицы и наполнил ими корзину.

– А на что нам столько продуктов? – с удивлением спросил Шаххандан. – Ты же ещё утром накупил много чего...

– Ничего страшного, у нас могут быть гости... Пускай наше застолье выглядит побогаче... С нас не убудет.

Шаххандан то и дело оглядывался, дабы удостовериться, что никто не преследует брата. Внезапно он заметил странного пучеглазого юношу с луком и стрелами на плече – тот беспокойно дёргался, суетился. Почуввав неладное, Шаххандан не спускал с него глаз. Среди толпы опасаться было нечего, но будь они наедине, неприятностей было бы не избежать...

Сеид Али, не ведая о происходящем, беседовал с продавцами, шутил, смеялся...

На базаре было шумно, а голоса дервишей, читающих гасиды, заглушали все звуки вокруг. Они прохаживались между длинными прилавками и, увидев богачей или известных людей, не давали им прохода и, читая гасиду, знаками выпрашивали деньги...

Взглянув на переполненную корзину, Сеид Али спросил:

– Интересно, мы ничего не забыли?

Побледневший Шаххандан ответил:

– Конечно, забыли. Дай на ухо скажу. За тобой следит какой-то юноша с луком и стрелами на плече и, если честно, не думаю, что у него благие намерения. На местных он не похож – наверняка кто-то его послал следить за тобой, будь осторожен. – И добавил: – Послушай, братец, тебе лучше войти через переднюю дверь этой лавки и выйти через заднюю. Ступай домой, а я за тобой. А этот человек пускай ждёт тебя, сколько хочет...

Сеид Али вошёл в большую лавку Гаджи Мухтара, торговавшего шелком, и, выходя через заднюю дверь, задумался: «Значит, дело серьёзное. Меня уже преследуют. За время моего отсутствия здешние муллы настроили людей против меня. Вечером на пиршестве мне нужно будет обо всём рассказать Ибрагим-шаху, чтобы он что-нибудь предпринял – другого выхода нет. К счастью, эти негодяи не тронули до сих пор Шаххандана. Ну что здесь творится, что за мракобесие?!»

С такими невеселыми мыслями Сеид Али вернулся домой. Шаххандан дошёл до дома раньше, по прямой дороге, и уже ждал брата у дверей. Они вместе вошли во двор. Тётя Гюльназ уже прибралась в доме, навела порядок. В кастрюле дымилась вкусная еда.

Сеид Али обратился к Шаххандану:

– Интересно, кто этот сукин сын?

– Не знаю. По дороге я сообщил градоначальнику. Выяснят, кто это был, найдут его. Возможно, он понял, что мы его раскусили, и дал дёру... Кстати, братец, а ведь ты перепугался не на шутку... И правильно, надо быть осторожным... Тебе неплохо бы умыться...

Сеид Али умылся, вытерся чистым, белоснежным полотенцем и сказал:

– За всё это время твой брат встречал на пыльных дорогах столько преступников, и столько раз он смотрел смерти в глаза, что сейчас не каждый может напугать его. Просто мне стыдно быть затравленным и оскорблённым в родной Шемахе, на глазах у родственников, друзей и знакомых. И потом, я беспокоюсь за тебя.

Пятидесятилетняя тётя Гюльназ обняла и расцеловала его:

– Добро пожаловать, мой великан! Добро пожаловать, мой султан!

Шаххандан перебил женщину:

– Тётя, с великаном всё понятно, а при чём тут султан?

– А что ты думал?! – гордо ответила Гюльназ. – Мой сын – султан поэзии! Во всём Ширване нет более прославленного, именитого поэта, чем он! Ты думаешь, тётя Гюльназ безграмотная и ничего не понимает? Когда ты переписываешь его стихи, ты читаешь их вслух – неужели ты думаешь, что я глухая, не слышу их? Некоторые из них даже запечатлелись у меня в памяти:

*Избави бог, чтобы моя душа
Роптала на тебя, о госпожа...*

(Перевод Н.Глазкова)

Но есть стихи, смысл которых мне непонятен, так как ты употребляешь в них непонятные слова, чуждые нашему языку. Неужели нельзя писать на понятном для всех языке?

Замечание было верным, и Сеид Али покраснел. Шаххандан покачал головой:

– Вот видишь, братец? Об этом говорю не только я... Это мысли простолюдинки.

Сеид Али вытер слезу тыльной стороной правой руки:

– От этих правдивых мыслей мне и смешно, и обидно за себя.

Тётя Гюльназ решила прекратить этот разговор:

– Ну ладно, я пойду, займусь обедом. Вы наверняка голодны...

После обеда Сеид Али лежал на балконе на деревянной кровати, погрузившись в мысли. Он с сожалением думал о сегодняшнем происшествии; ведь окончательно решил навсегда вернуться на свою прекрасную родину – в Ширван, обзавестись семьёй и провести остаток жизни здесь, среди родных и близких, жить и творить на земле предков. Однако он сильно разочаровался, увидев, как ширванцы ополчились против него. Он просто не подавал виду, дабы не напугать своего брата – словно все произошедшее не было достойно внимания. Но на самом деле всё было довольно серьёзно и опасно. Шутка ли – следуют за тобой по пятам, клеймят богохульником... Значит, оставаться тут невозможно. Изменить взгляды, мнение невежественного народа не так уж и легко. Об этом, по крайней мере, должен принять решение муфтий или кадий и объявить его невиновным, провозглашая об этом в местах тесного скопления людей. Но и этого недостаточно – никто не может гарантировать, что в один не самый прекрасный день он не подвергнется на улице нападению какого-нибудь религиозного фанатика...

... Стоял один из долгих летних дней. Шаххандан занимался любимым делом – переписывал диван. Тётя Гюльназ мыла внизу посуду. Гачалан, положив голову на лапы, чутко дремал, временами вздрагивал.

Сеид Али проснулся ближе к закату. Вышел во двор, умылся и пожаловался Шаххандану:

– Кажется, я проспал... Приготовься, пойдём.

Они прошли по извилистым улицам, через кварталы, названные именами различных ремесленников, и наконец прибыли к высокой, роскошной ограде вокруг дворца Ширваншахов из красного кирпича. На смотровых башнях, установленных возле дворца, сторожили по два вооружённых человека. Сеид Али держал Шаххандана за руку и тянул к воротам дворца. Увидев это, молодой страж вскрикнул:

– Эй, стойте! Вы куда?

Указав на величественное здание дворца, Сеид Али вскрикнул:

– Во дворец!

Неопытный страж торопливо спустился со смотровой башни, схватился за меч и попытался перегородить им путь, но в это время главный охранник Латифи прошёл вперёд и буркнул на молодого:

– Пропусти их! Кажется, ты не узнал известного поэта Сеида Али Имадеддина Насими!

Молодой послушно попятился, услышав строгий упрёк. Сеид Али и Шаххандан вошли внутрь. Возле дворца копошилась дворцовая челядь в различных одеяниях – они шептались, суетились, давали друг другу поручения, что-то уносили и приносили. У лестницы стоял дворцовый служащий Абдулсалех Дербенди – увидев поэта, он поспешил к нему навстречу:

– Где ты пропадаешь, великий человек? То говорят, что ты в Каире, то в Дамаске, Халебе, Багдаде... А в Ширван когда придешь? Клянусь Аллахом, я глазам своим не верю. Имя твоё всё время на устах его величества – он то и дело говорит, что мотыльки обычно спешат на свет, а наш мотылёк избегает света.

Сеид Али хотел ответить ему, но Абдулсалех Дербенди перебил его:

– Что ж, добро пожаловать! Проходи во дворец – все гости и лично его величество Ибрагим-шах ждёт тебя.

Сеид Али и Шаххандан разулись у входа и прошли во дворец. Все гости были в сборе. Во главе, в свете остроконечных свечей, разукрашенных драгоценными камнями, сидел широкоплечий человек среднего роста и слушал стоящего рядом с ним человека в голубом одеянии. Увидев стоящего у дверей Сеида Али, он движением руки приказал всем замолчать, и громко позвал поэта:

– Сеид Али, прошу сюда!

Все присутствующие изумлённо обернулись к Сеиду Али и Шаххандану, на которых до сих пор никто не обращал внимания.

Шаххандан отошёл от брата, чтобы остаться на месте, не ходить с ним. Увидев это, Ибрагим-шах приказал:

– Приведи и брата! Столь талантливый каллиграф должен сидеть на почетном месте.

Сгорая от смущения, Шаххандан последовал за братом, ступая заплетающимися ногами по толстому ковру. Почувствовав смущение брата, поэт всех поэтов слегка сжал ему руку и тихо шепнул:

– Успокойся, возьми себя в руки. Шах – наш друг.

Когда братья подошли к Ибрагим-шаху, тот встал. Тут же встали и все присутствующие. Ибрагим-шах сперва поприветствовал Сеида Али, затем – Шаххандана, обнял обоих и обратился к поэту:

– Почему ты так равнодушен к своей родине, дорогой мой? Одиннадцать месяцев в году ты проводишь на чужбине – так хотя бы месяц побудь рядом с жителями Ширвана.

Увидев, что шах ждёт от него ответа, Сеид Али ободрился:

– Я скажу причину того, почему не остаюсь тут, если на то будет позволение вашего величества.

Ибрагим-шах сначала обратился к присутствующим:

– Садитесь, – сказал он и сел сам, указав место Сеиду Али и Шаххандану. – Во-первых, скажи мне – вот ты приехал несколько дней назад, так почему же не навещаешь нас? Да и самого тебя найти невозможно...

На лице Сеида Али появилась улыбка:

– Ваше величество, ваш покорный слуга прибыл в Шемаху лишь вчера вечером, а сегодня первым делом прибыл на это пиршество. Не является ли это знаком уважения к вашему величеству?

– Ну уж нет, – усмехнулся правитель, услышав эти слова. – Меня не проведёшь. Этим утром ты навестил старое кладбище, а затем побывал на шемахинском базаре.

Сеид Али, удивившись осведомлённости Ибрагим-шаха, решил не упускать удобного случая:

– Значит, вы уже знаете, что утром я успел сходить на старое кладбище и навестить могилы родителей, а оттуда пошёл на базар. Получается, вы осведомлены и о том, что меня всюду преследуют недоброжелатели, а по ночам наш дом закидывают камнями.

– Не может быть! О чём он говорит? – промолвил Ибрагим-шах и с изумлением взглянул на сидящих рядом с ним мусаллима и кадия. Мусаллим Мугтадир Огуз, словно ожидая этого разговора, решил прояснить ситуацию:

– Да, ваше величество, поэт прав. Некогда один из его недоброжелателей злонамеренно пустил слух, что, якобы, Сеид Али Имадеддин Насими является богохульником, врагом Ислама, противником Аллаха. Это не что иное, как гнусное проявление зависти...

Кадий Фазли Фаридзаде снял папаху и вытер платком выбритую голову. Увидев, что Ибрагим-шах ждёт объяснения и от него, он принял озабоченный вид:

– Всё верно, ваше величество. Дело в том, что Гаим Ширвани, Ахмед Кесиреддин, Бахлули...

– А кто такой Бахлули? – перебил его Ибрагим-шах.

– Ширван кишит поэтами, ваше величество, – ответил кадий. – Их не счесть. Каждый, кто умеет срифмовать пару слов, норовит называться поэтом. Бахлули – один из таких самозванцев.

– И что потом?

– А потом эти проходимцы всюду болтают всякую ерунду, настраивают невежественный народ против поэта.

– Но на каком основании?

– Нет ничего трудного в том, чтобы исказить сложные, неоднозначные и замысловатые строки поэта, ваше величество!

– Ну, допустим, – кивнул Ибрагим шах, – и что теперь надо делать, чтобы предотвратить всё это?

Мусаллим Мугтадир Огуз ответил:

– Естественно, выделять для поэта отдельную охрану бессмысленно, так как это может вызвать у людей лишние подозрения – дескать, настолько сильно поэт согрешил, что повелитель обеспечил его охраной. Лучше всего вывести эти наглые выдумки на чистую воду на собраниях и площадях, уничтожить их – а для этого необходимо распространять стихи и газели поэта, воспевающие величие Аллаха, Ислама, священного пророка.

Ибрагим-шах с иронией обратился к придворным:

– Пока вы будете разгуливать по собраниям и пытаться изменить мнение людей, читая стихи, какой-то негодник сделает своё чёрное дело и навредит поэту, – сказав это, Ибрагим-шах взглянул на кадия Фазли Фаридзаде.

– Ваше величество, эти вопросы уже в полномочиях Мугтадира Огуза.

Мусаллим Мугтадир Огуз слегка поклонился Ибрагим-шаху и провёл рукой по чёрным, кудрявым волосам:

– Ваше величество, в таком случае прошу дать мне пару дней – я обязательно найду тех, кто чернит и позорит поэта, и брошу к вашим ногам.

Ибрагим-шах с довольным видом подкрутил кончики усов:

– Вот это другое дело, – произнес он и взглянул на Сеида Али: дескать, не беспокойся, теперь всё в порядке. Затем протянул руку к большому блюду на длинных стеклянных опорах, взял горсть чёрного изюма и подал знак Фарруху, стоящему возле дверей. Не прошло и минуты, как вошли юноша и девушка в голубом и красном одеяниях, с удом и каноном (*Уд, канон – восточные струнные музыкальные инструменты*) в руках и, усевшись на плоские подушки, устремили ожидающие взоры на Ибрагим-шаха. Ибрагим-шах подал знак, и юноша начал медленно играть на уде, затем к нему присоединилась девушка с каноном...

Увидев, что гостям музыка нравится, Ибрагим-шах обратился к Сеиду Али:
– А теперь слово за тобой, – сказал он, – Покажи, за что тебя невзлюбили шемахинские бездарные поэты.

Сеид Али от удовольствия прикрыл глаза. Это было сладкое, божественное мгновение. Немного помолчав, он начал читать свою газель, попадая в ритм звучания уда и канона:

*Пришла весна, весна идет в красе зеленого покрова,
Забудь незрелых дум разброд, – вино в кувшинах бродит снова!
«Внемли, – мир тайн ко мне возвал, – здесь все твое: уста красавиц,
И хмелем брызжущий фиал, и сад, расцвеченный пунцово!»
Пусть суфий чистый хмель не пьет – не обращай к нему укоров:
Ему дан высший дар щедрот – осадок, пенная основа!
Порог торгующих вином дыханием Исы оваян,
Иди за данью в этот дом – под сень их благостного крова!
Радетель истинной красы! Вкуси багряного настоя –
Стал купой роз огонь Мусы, и соловей поет бедово.
Что вечный век для головы, любви не ведавшей вовеки?
Такие головы мертвы, а мертвый груз таскать не ново!
Не дремлют недруги твои, твой каждый грех подстерегают -
О сердце, горе затаи, о тайне мук моих – ни слова!
О, пей же, мудрый весельчак, под звуки чанга, уда, ная, –
«Прекрасна радость райских благ!» – взывает глас господня зова.
К чему, душа, пустой вопрос, как я страдал минувшей ночью, –
Да только ли вчера от слез терзался в муках я сурово?
Дай, кравчий, суфию вина – у нас в чертоге исцеленья
Вином навек исцелена душа глупца и пустослова.
О Насими, пока ты пьешь, уста возлюбленной лобзая,
Ты перед ханжеством святош главу не склонишь бестолково!*

(Перевод С.Иванова)

Сеид Али с наслаждением прочёл стих до конца и медленно опустил голову. Гости вздрогнули от восклицания Ибрагим-шаха:

– Какая прелесть!

*К чему, душа, пустой вопрос, как я страдал минувшей ночью, –
Да только ли вчера от слез терзался в муках я сурово?*

И, тихо аплодируя поэту, добавил:

– И после этого ты удивляешься, почему этот бедолага Гаим Ширвани, несчастный Ахмед Кесиреддин, полоумный Бахлули хотят тебя убить? Да ты же сам их уничтожаешь своим творчеством, заживо хоронишь.

Гости встретили эти слова Ибрагим-шаха бурными аплодисментами. В это время один из придворных – хозяин каравана Ярахмед – нашёл в себе смелость высказать своё мнение:

– Ваше величество, смысл некоторых строк нам непонятен. С вашего позволения, попросил бы поэта разъяснить эти строки.

– А какие именно строки? – спросил Сеид Али.

– Например, строки, где упоминается Иса.

Сеид Али взглянул на Ибрагим-шаха:

– С вашего позволения...

– Конечно, прошу...

Сеид Али повторил эти строки:

*Порог торгующих вином дыханием Исы оваян,
Иди за данью в этот дом – под сень их благостного крова!*

Все гости замерли в ожидании объяснения.

– Здесь нет ничего непонятного, – принялся объяснять Сеид Али. – Я обращаюсь к тем, кто скептически относится к моим словам, и говорю, что все мои слова пропитаны дыханием пророка Исы. Ибо в священном Коране говорится, что дыхание Иисуса способно воскресить мертвеца. Но на этих скептиков это дыхание не действует, так как они не склонны воспринимать истину, не в силах признавать её.

Гости вновь поаплодировали поэту. Ибрагим-шах обратился к Ярахмеду:

– Голова твоя хоть и небольшая, но работает на славу, размышляет.

Гости разразились смехом. Рассмеялся и сам Ибрагим-шах.

– Прочти ещё одну газель! – обратился он к поэту.

Сеид Али приложил ладонь к глазам в знак повинования и кивнул музыкантам. Те начали играть мугам «Шуштар», да так искусно исполнили, что поэт, позабыв обо всём на свете, окунулся в таинственный, колдовской мир мугама. Музыкант, играющий на уде, подал ему знак, и поэт начал чтение:

*Где те друзья, что верно держат слово?
Где сердце, что правдивым быть готово?*

*Где в этом мире сердце без изъяна,
Где есть динар без блеска показного?*

*Где тот, кто доказать сумеет людям,
Что нет к неправде в его сердце зова?*

*Где тот поборник чести, чтущий правду,
Чьей речи молвить истину не ново?*

*Как отыскать такую из жемчужниц,
Где был бы жемчуг редкого улова?*

*Где тот, кто служит истине любовно,
Где тот, кто справедливость чтит сурово?*

*Кто не хмелён от зелья зла и кривды,
Чья голова среди хмельных здорова?*

*И где блюститель слова и обета,
Достойный похвалы от славослова?*

*Да где же в мире, о, творец, муж чести,
В ком тайн-сокровищ спрятана основа?*

*Кто праведным – наперсник в сокровенном?
Кто горемыкам в бедах – вместо крова?*

*Где тот Мансур, кто, верой предан правде,
Готов на смерть от жребия лихого?*

*И если Насими стал другом другу,
Что за печаль ему от остального!*

(Перевод С. Иванова)

Поэт кончил читать и воцарилась тишина. Ибгарим-шах нахмурился. После недолгого молчания он обратился к поэту:

– Твой мятежный дух проявляется именно в этой газели – она полна бунтарства. Причём ты выбрал эту газель в такт с ритмом «Шуштара». Обвинил эпоху в неверности, весь мир – в ненадёжности и вероломстве. Ты имеешь на это право, так как поэт – это непоколебимый дух своего народа, и он всегда должен стремиться к вершинам. Вот ты говоришь: *Где в этом мире сердце без изъяна...* На мой взгляд, словами «без изъяна» ты скрываешь свою истинную мысль. Но в этом нет необходимости. Поэтому я бы попросил тебя изменить эту строку следующим образом: *Где в этом мире сердце без обмана...*

Сеид Али с удивлением взглянул на Ибрагим-шаха.

– Можно ли так? – смущенно спросил шах. – Не нарушает ли это стихотворный ритм?

Поэт улыбнулся:

– Нет, не нарушает.

Гости вновь поаплодировали Ибрагим-шаху.

– Естественно, все эти аплодисменты посвящены великому поэту, – улыбувшись, скромно промолвил правитель.

Затем Ибрагим-шах обратился к сидящему у дверей придворному в тюбетейке:

– Махмуд Каракурт, награду поэту и его брату!

Махмуд Каракурт вскочил с места и торопливо исчез за дверью. Пиршество продолжилось до поздней ночи...

* * *

А в это время в далеком горном селе Шемахи, в застеклённом доме, окружённом высокими деревьями, проходило собрание, организованное хозяйкой дома – богатой Рабией-хатун.

За трапезой сидели двенадцать человек разного возраста в разном одеянии и спокойно пили вино и шербет. Шестеро из них были поэты, а остальные – муллы, кудесники, цирюльники и лоту.

По предложению круглолицого Бахлули с вечно красными глазами Рабия-хатун принесла Коран, положила на него руку и торжественно провозгласила:

– Клянусь священным Кораном – никогда, нигде и никому не раскрою эту тайну и не перестану преследовать Имадеддина Насими до тех пор, пока этот гнусный богохульник не будет брошен в темницу или убит.

После Рабии-хатун руку на Коран поочередно положили местные поэты – Бахлули, Гуламали, Гаим Ширвани, Ахмед Кесиреддин, Таджаддин Ширвани, Маил Фадаи, а затем – мулла Рухнаддин Халили, Сеид Магомед, цирюльник Насреддин Забани, кудесник Юсиф Сабаи и лоту Исфандияр Гутлуг – и повторили слова хозяйки дома. Когда очередь дошла до лоту Камала Маруфа, он неожиданно заплакал.

– Что с тобой, сынок? – заботливо спросил самый пожилой среди присутствующих, Гаим Ширвани.

– Дядя Гаим, я боюсь. Я не могу клясться на священном Коране!

Увидев, как Камал Маруф проливает горькие слёзы, присутствующие удивлённо переглянулись. Длиннобородому мулле Сеиду Магомеду стало жалко его:

– Ну ладно, успокойся, не плачь, сейчас подумаем, что можем сделать...

Но увидев, что лоту Камал Маруф разрыдался ещё громче, мулла Сеид Магомед обратился к инициатору и руководителю собрания Гаиму Ширвани. Опытный Гаим, немало повидавший на своём веку и на протяжении многих лет игравший на свадьбах на зурне, ласковым тоном обратился к Камалу Маруфу:

– Сынок, Камал, возьми себя в руки и успокойся. Здесь нет ничего страшного. Коран – священная книга, символ истины и справедливости. Как может лоту бояться

богохульника? Не бойся – подойди, положи руку на Коран и повтори мои слова.

Но Камал Маруф не переставал плакать. Рабия-хатун, которой эта выходка Камала вконец надоела, обратилась к присутствующим:

– Ну ладно, оставьте его в покое, у меня сердце не выдержит. Придумайте что-нибудь другое...

– Тогда, сынок, – Гаим Ширвани положил руку ему на плечо, – не нужно клясться на Коране. Просто повтори наши слова!

– Слушаюсь!

Камал Маруф опустил на колени и робко оглянулся. Затем, вытерев слёзы тыльной стороной ладони, поспешно повторил услышанные слова:

– Клянусь могилой отца – никогда, нигде и никому не раскрою эту тайну и не перестану преследовать Имадеддина Насими до тех пор, пока этот гнусный богохульник не будет брошен в темницу или убит.

То, как Камал Маруф поспешно, с излишней готовностью повторил клятву, вызвало смех у гостей. Известный своей вероломностью Гаим Ширвани, округлив глаза, потряс пальцем перед его носом:

– Ты до сих пор много раз клялся могилой своего отца, но ни разу не сдержал клятву. Но на этот раз не отвертись... Если не будешь держать язык за зубами и проговоришься где-нибудь о нашем собрании, я собственными руками придушу тебя и отправлю к твоему отцу, – пригрозил он.

– Ты что, дядя Гаим, ты же знаешь меня...

– Да, я хорошо тебя знаю! Потому и предупреждаю!

Высказавшись, Гаим Ширвани уселся и, сердито наполнив бокал вином, залпом выпил. Вытерев усы платком, он перешёл к делу:

– Покуда этот подлый прохвост жив и находится в Шемахе, спокойной жизни и шахских пиршеств нам не видать. Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Двенадцать человек, находящихся в доме, повторили его слова, как заклинание:

– Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Услышь кто-нибудь посторонний эти страшные восклицания где-нибудь на безлюдной ночной улочке, то от страха убежал бы, куда глаза глядят...

– Мой отец и мой дед зарабатывали на жизнь стихами – с нескрываемой злостью промолвил Гаим Ширвани. – Но теперь этот гнусный богохульник отнял у нас хлеб, прикрывая свои подлые мысли красивыми словесами и чаруя не только народ и правителей Ширвана, но и всех восточных эмиров и придворных. Поэтому я твёрдо решил: Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Двенадцать участников собрания вновь повторили эти слова:

– Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Затем Гаим Ширвани обратился к толстоусому кудеснику Юсифу Сабаи, прослышшему во всем Ширване «колдуном»:

– Когда намечается наше первое мероприятие?

Юсиф Сабаи, прежде чем ответить, наполнил бокал вином и, прикрыв глаза, выпил залпом. Затем, поцеловав бокал, ответил:

– В одну из ближайших ночей... Мы вонзим стрелу в дверь дома Имадеддина Насими. И это будет стрела строгого предупреждения.

Гаим Ширвани обратился к присутствующим:

– Ну ладно, а кто же вонзит эту стрелу?

Неожиданно Камал Маруф встал и, ударяя себя в грудь, воскликнул:

– Я хочу вонзить стрелу!

На лице у Гаима Ширвани появилась улыбка:

– Вот это другое дело!

После этих слов Камала Маруфа у гостей отношение к нему, рыдавшему и отказывающемуся поклясться на Коране, резко поменялось.

Гаим Ширвани вновь обратился к гостям:

– Ну ладно, а что потом? А если Имадеддин Насими не обратит на это внимания, чем тогда всё это обернётся? Что мы дальше будем предпринимать?

В разговор вмешался Ахмед Кесиреддин:

– Пока что нам поручили сделать только это. И того, кто это сделает, ждёт щедрая награда, которая будет вручена ему на очередном собрании.

– Совершенно верно, – подтвердил его слова Гаим Ширвани. – Наставник сам поручил передать эти слова всем вам.

– Дядя Гаим, – Камал Маруф встал, – а когда мы увидим наставника? Когда мы накажем этого богохульника, – продолжил он, понизив голос, – Ибрагим-шаха?

– Тише... – грозно взгянул на него Гаим Ширвани. – Сядь! Не забывай, что пеху, кукарекующему до рассвета, отрывают голову. Во-первых, мы не сможем увидеть наставника до тех пор, пока...

– Пока... что? – Камал Маруф вытянул шею в ожидании ответа.

– Пока этот деревенщина не будет свержен с престола...

У однокомнатного дома, одна из стен которого была общей со стеной базара, дверь открывалась во двор. В комнате напротив друг друга сидели двое: мусаллим Мугтадир Огуз с каменным лицом, на которое было страшно смотреть, и лоту Камал Маруф.

– Ну, Камал Маруф, расскажи, с чем пришёл? Что они задумали? Какова их дальнейшая цель?

Камал Маруф, который ещё вчера проливал горькие слёзы в доме Рабии-хатун и прикидывался дурачком, сейчас был в совершенно ином облике и болтал без передышки:

– Всё прошло так, как мы и хотели. Сегодня вечером я должен вонзить стрелу в дверь дома Сеида Али Имадеддина Насими.

– С какой целью?

– Чтобы напугать и предупредить его.

– Чего они хотят добиться?

– Они хотят изгнать его из Шемахи или же, при возможности, убить. Поэты Ширвана приняли это решение единогласно. А намерение наставника совершенно иное.

Камал Маруф промолчал, глядя на каменное, ничего не выражавшее лицо мусаллима Мугтадира Огуза.

– Иное? – переспросил мусаллим Мугтадир Огуз. – Какое же?

– Наставник намеревается свергнуть этого деревенщину с престола.

– Ясно, – мусаллим потёр подбородок и прищурился. – А известно ли, кто такой этот наставник?

– Это известно только поэту Гаиму Ширвани, он сам признался.

– Мы должны заклевать их, не торопясь, по одному. Скажи мне – ты в детстве видел, как твоя мать перебирает рис?

У Камала Маруфа потеплел взгляд:

– Конечно! – ответил он. – Видел много раз.

– И как она это делала?

– Она сыпала на один край подноса рис и убирала сор и камушки на другой край.

– То есть очищала рис от сора. Именно это будем делать и мы. Ты этой ночью сходи, вонзи стрелу в дверь дома поэта. Не беспокойся – его мы предупредим. Наши

люди следят за членами вашего собрания, наблюдают, мы знаем, где они видятся, о чем говорят... Как только мы выявим крупную рыбу, в ту же ночь заточим всех в темницу, в том числе и тебя.

У Камала Маруфа округлились глаза. Не желая его пугать, мусаллим Мугтадир Огуз смягчился:

– Не бойся – наши люди тебя знают, ты свой человек. Они создадут условия, чтобы ты сбежал. А теперь ступай, займись делом.

* * *

Вечером в дверь дома Сеида Али постучались.

– Кто там?

Раздался детский голос:

– Открой!

– А кто ты?

– Мирхас.

– Какой ещё Мирхас? – Шаххандан отворил дверь.

За дверью стоял мальчик лет тринадцати-четырнадцати в тубетейке и поясе из красного сукна. Шаххандан удивился:

– Чего тебе? – спросил он.

– Меня прислал мусаллим... – шепнул мальчик.

– Мусаллим?

– Да, мусаллим Мугтадир Огуз.

Услышав беседу, Сеид Али подошёл к ним:

– Что тут происходит, дружище?

Осмотревшись, мальчик шепнул:

– Этой ночью в дверь вашего дома вонзят стрелу. Меня прислали предупредить вас, чтобы вы не беспокоились.

Сообщив это, как ему было велено, мальчик убежал.

Сеид Али взглянул на Шаххандана:

– Ну что, братец, ситуация сложная... Получается, что и мусаллим, и глава правопорядка знают обо всём, но отчего-то не спешат что-либо предпринять. Значит, нам надо быть осторожными. Но сидеть дома целый день не получится – нужно сходить на базар, потом ещё найдутся дела... Кроме того, вчера я сообщил мусаллиму, что собираюсь сходить в мечеть на пятничный намаз.

Шаххандан побледнел:

– А ты не боишься, что возникнут неприятности?

– Нет, мне незачем бояться – те, кто за мной следит, так же, как и я, находятся под слежкой...

* * *

Рано утром возле дверей Сеида Али собралась толпа. Люди изумленно смотрели на вонзённую в дверь стрелу.

Кто-то спросил:

– Сеид Али, что бы это значило?

Сеид Али, зевая, попытался отшутиться:

– Это всё дети... Проказники, дразнят Шаххандана.

Увидев безразличное отношение хозяина дома к произошедшему, толпа разошлась.

– Братец, даже несмотря на это предупреждение, ты собираешься в мечеть?

– Конечно!

– Тогда и я с тобой!

– Что ж, пойдём вместе, я не против.

Они вышли во двор и заперли дверь. Гачалан спокойно лежал возле конуры, положив голову на лапы.

Сеид Али погладил пса:

– Эх, Гачалан, Гачалан... Ты неисправим... По ночам спать не даёшь, а сейчас дрыхнешь...

Гачалан встал, потянулся и залаял, словно подтверждая слова хозяина.

– Говорит, ты прав... – пояснил, смеясь Шаххандан. – Моя работа ночью, а лаять – моя постоянная обязанность.

Сеид Али с удивлением взглянул на Шаххандана:

– И всего двумя лаями он сказал столько слов?

– А как же?! Каждый лай собаки – это несколько предложений.

– Ты это сам выдумал или слышал от кого-то?

– Конечно, сам выдумал.

Поэт покачал головой:

– Ей-богу, ты смыслён не по годам – похвальная сообразительность...

После полудня братья отправились в мечеть в селении Сарыторпаг. В мечети было полно людей, пришедших на пятничный намаз. Сеид Али заметил в толпе своего старого друга Гара Гаплана Секмена и подошёл к нему. Друзья обнялись. В это время мулла Захир ибн Салех прошёл сквозь толпу на своё место, расстелил небольшой коврик с печатью и джанамазом и, обернувшись, взглянул на людей – дескать, приготовьтесь, начнём вместе.

Справа от Сеида Али стоял Гара Гаплан Секмен, а слева – Шаххандан. Промолвив «Ла Илаха Иллалах», они шёпотом повторили слова муллы и приступили к намазу. Не прошло и десяти минут, как внезапно встали со своих мест двое юношей, спустя мгновение встали ещё двое и попытались напасть на братьев. В руках нападавших блеснули кинжалы, и в мечети поднялись крики.

Один из нападавших, окруженный толпой, осознав, что пройти дальше ему не удастся, с размаху швырнул двухклинковый кинжал в стоящего спиной к нему Сеида Али. Размах был несильным, но оружие всё же долетело до цели. От внезапного удара поэт пошатнулся, но не упал. Шаххандан испуганно вскрикнул. В мгновение ока злоумышленников схватили и скрутили. Люди тут же окружили поэта. Гара Гаплан Секмен обратился к замершему от неожиданности мулле:

– Ничего страшного! Принеси чистый лоскут!

Затем взглянул на Шаххандана:

– Этот хитрец знал, что может случиться что-то подобное, поэтому привязал к спине войлок. Он его и спас – клинок не вонзился в спину.

– А откуда тогда кровь? – плача от страха, спросил побледневший Шаххандан и подобрал брошенный кинжал преступника. – Если бы не войлок, то клинок проколол бы лёгкие....

Обоих преступников связали, и когда их уводили, те крикнули в сторону поэта:

– Подлый богохульник, в этот раз тебе удалось спасти свою поганую жизнь!

Но будь уверен – в следующий раз ты сдохнешь как собака!

Не обращая внимания на боль, поэт помахал рукой им вслед:

– *О ты, богохульником меня назвавший!*

Я не богохульник! Люблю я! Постыдись!

Затем поэт обратил свое побледневшее лицо к Гара Гаплану Секмену и, пытаясь улыбнуться, сказал:

– Конечно, я знал... Куда бы я ни шёл, я стараюсь быть осторожным, убережусь от покушений. Но я не ожидал, что этот подлец так метко прицелится...

Гара Гаплан Секмен остановил фаэтон для поэта и его брата, а сам вернулся в мечеть и продолжил прерванный намаз.

По дороге Сеид Али шепнул брату:

– Мусаллим Мугтадир Огуз говорил мне о возможности чего-то подобного... Интересно, а откуда он знал об этом?

– Это он тебе посоветовал привязать к спине войлок?

– Нет, это я сам придумал...

– А он не кусал тебе тело в такую жару?

– Нет, под войлок я надел льняную рубашку.

– А почему ты мне не говорил об этом?

– Во-первых, я не знал, что покушение обязательно произойдёт. Во-вторых, не хотел тебя пугать.

– Ладно, а кто прислал охрану?

– Конечно же, мусаллим Мугтадир Огуз.

– А если бы они опоздали, что тогда?

– Это судьба... Что мы можем поделать?

Фаэтон мчался то по песчаным, то по каменистым дорогам Шемахи, поднимая пыль. Молодому Шаххандану нравился стук колёс и подков.

– Братец, а куда делся кинжал? - спросил он поэта. – Я видел его – он был острым, как бритва...

– Ну да... Не будь он острым, не пробил бы войлок.

– Больно?

– Конечно. Дома надо будет поменять повязку. Попрошу тётю Гюльназ, чтобы смазала рану.

Когда фаэтон доехал до их дома, Сеид Али и Шаххандан увидели, что большая толпа соседей, услышав о происшествии, собралась возле их ворот...

* * *

Заговорщиков долго не держали – после коротких расспросов их заточили в темницы неподалёку от Галайбургурта. Мусаллим Мугтадир Огуз думал, как их наказать, и наконец, сел на коня и направился во дворец, чтобы узнать мнение Ибрагим-шаха по этому поводу.

Ибрагим-шах собирался отдохнуть после обеденной трапезы. Узнав, что мусаллим Мугтадир Огуз прибыл с важной вестью, он разрешил ему войти в комнату отдыха.

Когда мусаллим Мугтадир Огуз вошёл в комнату отдыха, Ибрагим-шах лежал, облокотившись на подушку, и листал толстую книгу. Не вставая с места, правитель спросил:

– Какие новости?

Подробно рассказав о произошедшем, мусаллим Мугтадир Огуз сказал:

– Я пришёл, чтобы узнать ваше мнение о том, как поступить с этими двумя преступниками.

После недолгих раздумий Ибрагим-шах вздохнул и произнес:

– Честное слово, я даже не знаю, какое наказание им назначить... Если казнить, то муллы провозгласят, что они шехиды во имя религии. Если держать в темнице, то остальные бандиты, узнав, что преступники живы и недостаточно наказаны, тоже начнут покушаться на жизнь поэта. Лучше всего посоветоваться с самим поэтом, и пусть он сам скажет, какое наказание будет справедливым.

Мусаллим Мугтадир Огуз, недовольный в душе решением шаха, всё же не посмел перечить ему и, поклонившись, удалился. По дороге он решил послать кого-нибудь к Сеиду Али и оповестить его о словах правителя. Он вызвал правоохранителя Хейраддина.

– Если не ошибаюсь, Сеид Али Имадеддин Насими приходится тебе племянником, не так ли?

– Совершенно верно, многоуважаемый мусаллим. Однако мы видимся довольно редко – можно сказать, раза два в год.

– Очень плохо! Это нехорошо с твоей стороны! Ты же знаешь, что он – один из самых ярких, талантливых и почитаемых личностей Ширвана; его творения передаются из уст в уста во всех тюркских и персидских землях. А ты без стыда и зазрения совести признаёшься, что редко видишься с ним. Неужели ты опасаясь невежд?

– Вы правы, господин мусаллим, я признаю свою ошибку.

– Возьми эту бумагу и сейчас же передай племяннику. Пускай он напишет ответ на этой же бумаге и вернёт через тебя. Я жду.

Хейраддин забрал бумагу, вышел и вскочил на коня. Дорогой он лихорадочно соображал, чем объяснить Сеиду Али своё отсутствие в течение столь долгого времени, чтобы тот не обиделся. Его мучали угрызения совести.

На стук к двери подошла тётя Гюльназ:

– Кто там?

– Это я, сестра!

Тётя Гюльназ открыла дверь. Хейраддин привязал коня во дворе и вошёл в дом.

– Как давно тебя не было... Какими судьбами, Хейраддин?

– Я знал, что услышу этот вопрос. Ей-богу, так сильно заработался, что никак времени не мог найти.

Пока Хейраддин беседовал с Гюльназ, Шаххандан, увидев дядю, удивился, подошёл к нему.

Хейраддин радостно обнял племянника:

– Ну что, племянничек, позабыл ты дядю! Никак не наведаяешься, о здоровье не справишься...

– Ей-богу, каждый раз, встречая Джамаледдина, спрашиваю о тебе. А что, он не передаёт тебе, что я справлялся?

– Конечно, передаёт... Спасибо... А как поживает Сеид Али? Я слышал, что он приехал... А почему не ищет родного дядю? Я-то занят ворами и карманниками, а он-то что?

Услышав это, Сеид Али вышел во двор, и поняв, что дядя пытается свое упущение свалить на них, улыбнулся:

– Дядя, мы – люди маленькие, это ты должен нас искать.

Хейраддин направился к племяннику:

– Да кто я такой... Слава Аллаху, твоё имя знают и стар, и млад, оно известно и на Западе, и на Востоке.

Шаххандан предложил дяде сесть.

– Дядя, кажется, ты что-то хочешь сообщить, – сказал Сеид Али. – Я слушаю тебя...

– Совершенно верно, – ответил Хейраддин. – Мне есть, что сказать.

Достав из кармана сложенную вчетверо бумагу, он протянул её Сеиду Али:

– Это передал господин мусаллим Мугтадир Огуз, он немедленно ждёт ответа.

Сеид Али развернул бумагу и, внимательно прочитав, задумался.

– Сейчас напишу, – промолвил он наконец и унёс бумагу в дом. Через пять минут вернулся и, сложив бумагу так же, как было, протянул дяде.

Получив ответ от Сеида Али, мусаллим Мугтадир Огуз направился в темницу и, следуя письму поэта, получил у заговорщиков расписку о раскаянии, в которой преступники, выходящие на свободу, признались, что не имеют никакой личной вражды к Сеиду Али и покушались на него по поручению наставника, которого сами они не видели никогда в жизни. Единственным человеком, знающим имя наставника, был мусаллим Мугтадир Огуз!..

В доме Рабии-хатун проводилось очередное совещание заговорщиков – поэтов Ширвана. Члены группировки во главе с Гаимом Ширвани были сильно обеспокоены сложившейся ситуацией. Во-первых, потому, что Сеид Али Имадеддин Насими всё ещё был жив и здоров, находился в родной Шемахе, посещал дворцовые собрания и, как говорил Ахмед Кесиреддин, получал награды за свои богохульные стихи, направленные против религии.

Гаим Ширвани сразу перешёл к сути вопроса:

– Господин Кесиреддин, дело в том, что этого человека каждый раз спасает случай. Вы только представьте – на глазах у охраны мусаллима Мугтадира Огуза ему в спину вонзается кинжал, а он остаётся жив. Говорят, будто бы под чуху он надел войлок – иначе кинжал отправил бы этого богохульника в преисподнюю...

– Надел войлок? В такую жару? – усмехнулся Камал Маруф, которого все присутствующие считали придурковатым.

Гаим Ширвани взглянул на него округлёнными глазами – Камал Маруф тут же замолчал и прикрыл рукой рот.

Рабия-хатун вошла в комнату и поставила на скатерть вино и айран. Затем она коснулась тюбетейки на голове у Камала Маруфа и сердито взглянула на Гаима Ширвани:

– Не смей обижать моего сына!

Разумеется, она неспроста ласково обращалась с Камалом Маруфом, которого называла «сыном». Гаим Ширвани, не подавая виду, что понял её, сменил тему:

– Ну ладно, теперь давайте обсудим, как мы можем устранить этого подлеца?

Длинноволосый и пышнобородый Гуламали, похожий на дервиша, выпил пиалу шербета и воодушевлённо промолвил:

– О Гаим, двое наших самоотверженных героев поклялись священным Кораном и отреклись от нас. Теперь я не знаю, что предпринять? Кто впредь будет выполнять поручения?

– Насчёт людей не беспокойся, Гуламали! Есть немало моджахедов и фанатиков Ислама, готовых отдать свою жизнь ради богоугодного дела. Но мне в голову пришла мысль: может, мы сами как-нибудь попытаемся устранить его? Пусть поднимут руку те, кто согласен. Если это не удастся, то найдутся еще соображения... хоть отбавляй...

Многие согласились с этим решением. Гаим Ширвани взглянул на человека с круглой и жёлтой, как айва, головой – цирюльника Керима Забани:

– На этот раз твоя очередь, о, мастер бритв!

Цирюльник Керим Забани судорожно сглотнул, и уставился на мясистое лицо Гаима Ширвани:

– А что я могу поделаться, Гаим? Я же простой человек, брадобрей...

– А что среди нас делает простой человек? И потом – ты можешь обращаться с острой бритвой...

Цирюльник Керим Забани понял, к чему клонит Гаим Ширвани, и, побледнев, невольно покачал головой.

– Это очень опасная затея, Гаим! Люди узнают и закидают меня камнями...

– Не бойся, тебя вовремя спрячут.

– А потом? – не унимался цирюльник. – Как я потом вернусь в Шемаху, покажусь на люди?

– Если не сможешь вернуться в Шемаху, то уедешь в Баку.

– А как же мой дом, семья, дети?

Тут вмешался в разговор поэт Таджаддин Ширвани:

– Это невыполнимая затея. Вы разве не знаете, что Сеида Али Имадеддина Насими всегда бреет его брат? А наставник знает об этой нашей затее?

– Нет, – признался Гаим Ширвани. – Это моя личная инициатива. И потом, если даже вы поддержите наше решение, его можно будет осуществить только с согласия наставника.

Он наполнил бокал вином, жадно выпил и закусил жареным миндалём. Воцарилась тишина. Наконец Гаим Ширвани вытер рот платком с цветочными узорами и продолжил:

– Меня удивляет вот что: его словно оберегает какая-то таинственная сила, кто-то оповещает его о наших намерениях, – он помолчал, обвёл взглядом всех присутствующих и, колеблясь, нерешительно предложил: – Может, нам отравить воду в их колодце? Хотя это может навредить и его невинному брату Шаххандану, который совершает богоугодные дела. И потом – я не знаю, согласится ли на это наставник? Как вы думаете?..

Собрание длилось до поздней ночи... Гости разошлись, так и не придя к общему решению. Расходясь, договорились собраться снова через два дня...

* * *

Сеид Али сидел во дворе в тени дерева и читал «Джавиданнаме». Временами он ненадолго закрывал глаза и погружался в раздумья.

Шаххандан сидел на балконе и переписывал сборник стихов. Наблюдая за братом, он то качал головой, то улыбался и делал выводы про себя: «Наверно, раздумывает над премудростями учителя».

Шаххандану не нравилось это произведение Наими – возможно, потому, что его сознание ещё не было готово воспринимать изложенные в нём суждения. А его брат – поэт всех поэтов – просто обожал эту книгу, никогда не расставался с ней и листал её всегда, даже передвигаясь на верблюде по пустыне.

Неожиданно Шаххандан услышал голос Сеида Али:

– Какие новости о Хусние?

– А с чего это вдруг ты вспомнил про Хуснию?

– Она мне приснилась этой ночью... Интересно, как мы можем найти её?

– Говорят, она каждый четверг бывает на кладбище.

В это время из гостиной послышался голос тёти Гюльназ:

– Помойте руки и идите обедать.

Стояла полуденная тишина, которую порой нарушал лишь треск крыльев стрекоз. Под дуновением ветра на землю падали поспевшие сочные груши. Сосед, пышноусый Джабраил, погрузившись в свой никому не ведомый мир, напевал «Баяты-кюрд». Гачалан возле конуры, урча, разгрызал кости. Соседка, тётя Бановша, громко звала Махмудали. Было обеденное время, и почти во всех домах Шемахи люди готовились к трапезе. Сеид Али и Шаххандан помыли руки и поднялись на балкон.

* * *

На следующий день, ближе к полудню Сеид Али и Шаххандан, придя на кладбище, встретили двух женщин в паранджах. Это были Хусния и Сальминаз.

Сальминаз, увидев прибывших, обратилась к Хусние:

– Посмотри-ка, кто пришёл?

Одной рукой придерживая паранджу, Хусния расчищала детскую могилу от сорняков. Обернувшись, она взглянула на Сеида Али – они долго смотрели друг на друга.

– А твой любимый даже не состарился, – промолвила Сальминаз. – Клянусь Аллахом, мне кажется, что он всё ещё холост из-за тебя... А почему ты так покраснела?

– Перестань, прошу тебя, не надо на меня наговаривать.

– Клянусь Аллахом, я это искренне говорю, поверь мне!

Хусния не знала, что люди наставника уже встретились с Сальминаз и тайно поручили ей возродить и воспламенить любовные чувства Хуснии к поэту, не зная даже, что в этом не было нужды, – их сердца и без того полыхали неистовой любовью друг к другу на протяжении многих лет.

Сеид Али взволнованно промолвил Шаххандану под взглядами любимой:

– Всё, братец, я пропал!

– Очень зря! Она смотрит на тебя с такой же искренней любовью, как и ты на неё. Вам только нужно скрепить ваш союз.

– Нет, братец, я уже не в силах читать молитву... Лучше вызови муллу Рамазана, пусть он прочтёт.

– Конечно, вызову...

А Сальминаз в это время подзадоривала Хуснию:

– Ей-богу, он же сохнет по тебе. Я не понимаю, чего ты ждешь...

– Довольно, Сальминаз, это уже ребячество с твоей стороны... Я же не могу ни с того ни с сего пойти и броситься к нему в объятия!

С трудом сдерживая смех, Сальминаз шепнула:

– Ну пойми же ты наконец – он не решается посылать сватов. Нам как-то надо дать ему понять, что ты согласна...

И вдруг, вспомнив о чём-то, она радостно вскрикнула:

– Придумала! Тётя Гюльназ! – и, прищурив глаза, взглянула на подругу: – Значит, все эти годы ты, будучи замужем, хранила его в своей душе?...

Лицо Хуснии горело алым пламенем.

– Клянусь Кораном, – виновато промолвила она. – Я и сама не понимаю причину.

Сальминаз достала серебряную монету и протянула мулле, читавшему молитву. Затем обратилась к Хуснии:

– Отныне вы не можете жить врозь, – настойчиво произнесла она. – Это будет большим грехом перед Аллахом.

– Сальминаз, мне не подходит такое! Я и с места не сдвинусь, пока он сам не подойдёт ко мне с признаниями.

– А я для чего?! Так всё устрою, что сами «спасибо» скажете...

– Нет, прошу тебя, не нужно вмешиваться в открытую...

– Ты что, с ума сошла? Ты хоть помнишь, сколько тебе лет? Ты не сравнивай себя со мной – меня «любят» исключительно ради моего богатства. А тебя любят от всей души – причём, любит столь известный человек. Не беспокойся, беру это на себя, твоя сестра всё устроит. Пойдём, нам пора...

Хусния перебросила свои длинные косы на спину, закрылась паранджой и направилась к выходу с кладбища.

Поэт, не в силах оторвать взгляд от отдаляющейся любимой, шептал про себя:

*Пусть те глаза, что незнакомы с ней,
Совсем не видят мира и людей.
Забудешь обо всех благоуханьях,
Вдыхая аромат её кудрей.*

Не успел Шаххандан запомнить эти строки, как Сеид Али начал читать следующие:

*От локонов ее кудрявых, пышных,
Становится на сердце веселей.
Коль от любви истлеет наше тело,
Наш прах о той любви расскажет ей.*

(Перевод Н.Глазкова)

В ответ на горестные признания поэта Шаххандан потянул его за полу чухи, и тихо сказал:

– Если ты захочешь, она мигом прибежит к тебе...

– Ты о чём, братец?

– А что, я не прав? Ты разве не видел, как страстно она смотрела на тебя? Ты лучше поделись своими чувствами с тётей Гюльназ!

Беседа, Сеид Али и Шаххандан пошли домой. Но тётя Гюльназ нигде не было. На верхней полке стенного шкафа лежало письмо – видимо, она попросила кого-то из соседских детишек написать его: «Сынок, я приболела. Плохо себя чувствую, ушла домой. Всё приготовила для вас».

Сеид Али швырнул письмо на тахту:

– Вот видишь? Я же говорил, что этой мечте не сбыться... Весь мир против меня!

– Ну ладно, не делай из мухи слона. Она же ушла не навсегда, завтра придёт. Но Гюльназ не пришла ни завтра, ни послезавтра...

* * *

В тот день дома у Рабии-хатун вновь проводилось собрание. От шума и галдежа закладывало уши. Гости бурно обсуждали любовную историю Сеида Али, ставшую притчей во языцех по всему городу. Каждый выдумывал своё, высказывал свои досужие домыслы. Большинство озлобленных поэтов хотели испортить, навредить любовным отношениям Сеида Али и Хуснии.

Сорокалетний поэт из Баку Абдулла Камиль, рано поседевший и выглядевший намного старше своего возраста, облокотился на красную шелковую подушку и проворчал:

– Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы какой-то богохульник, нарушивший наш покой и всюду порочащий наши имена, обрёл счастье и жил припеваючи.

– Мы не можем действовать вопреки указанию наставника, – грозно промолвил лоту Исфандияр, пролив на скатерть вино.

Поэт Абдулла не унимался:

– Наставник не будет против, если мы примем единогласное решение.

– Ну хорошо, Абдулла Камиль, скажи – что плохого этот человек сделал лично тебе?

Абдулла Камиль с удивлением оглянулся на присутствующих:

– Что значит – «что плохого сделал»? Этот человек занимается богохульством и, отождествляя себя с Богом, пишет:

*Я божие сиянье, райский сад,
И ангел я, и страж у райских врат.
Я – «каф» и «нун», начало всей Вселенной,
Сура Корана и её аят.*

Человек, сравнивающий себя с Аллахом и священным Кораном, и обожествляющий какую-то женщину, сравнивая её внешность с красотой Вселенной, является врагом каждого из нас.

– Господин Абдулла Камиль, – на этот раз к нему обратился Мулла Сеид Магомед, – неужели в ваших стихах нет ни одной строки, воспевающей красоту и в то же время противоречащей религии?

– Да простит меня Аллах! – Абдулла так хлопнул себя по колену, что на этот раз пиалу с шербетом уронил Юсиф Баба. Воцарилась тишина.

Наконец Гаим Ширвани вынес вердикт:

– Пока что наставник не давал нам поручения по поводу того, чтобы навредить Сеиду Али Имадеддину Насими, Хусние или служанке Гюльназ. Повторяю – никто из присутствующих здесь не испытывает к этому богохульнику Имадеддину Насими такой сильной неприязни, какую испытываю я. Его газели, гасиды, двустишия лишили нас всех хлеба насущного, и больше всего от этого пострадал я, так как до него я был придворным поэтом. Наша главная цель: изгнать этого богохульника из Ширвана раз и навсегда. А служанку Гюльназ надо строго-настрого предупредить, чтобы она никоим образом не вздумала налаживать отношения Имадеддина Насими и Хуснии.

– Ну ладно, допустим, мы перетянули на свою сторону служанку Гюльназ, даже спрятали её на несколько дней, а как же её сын? – спросил лоту Камал Маруф.

– Им займёшься лично ты.

– Каким образом?

– Спрячешь его у себя дома.

– А если он спросит про мать?

– Скажешь, что Имадеддин Насими отправил её по важному делу в Баку.

Абдулла Камиль, который всё это время с недовольным видом слушал, вновь вмешался в разговор:

– Ну ладно, допустим, Имамеддин Насими не встретится с Хуснией... И что из этого?

– Я не знаю, что из этого, но полагаю, что от наставника поступит важное поручение касательно Имадеддина Насими. После этого всё и выяснится.

– Неужели сам наставник встретится с ним?

– Нет, он передаст свое решение через цирюльника Керима Забани. Господа, на сегодня всё!

– Я не понимаю, почему наставник так церемонится с этим богохульником, – сказал Абдулла Камиль и, допив вино, встал.

Рабия-хатун проворчала вслед ему:

– Кто этот прожорливый хвостун? С какой стати он ведёт себя так нагло?

Гаим Ширвани взял тетрадь и, направляясь к дверям, ответил:

– Его послали из Баку, он прибыл на наше собрание с особым поручением.

* * *

Братья ждали тётю Гюльназ до самого вечера. Но только ближе к ночи один из соседей сообщил, что женщина и её сын пропали без вести. Сеид Али томился в тревоге, проклиная судьбу. Он уселся на лестнице и погрузился в раздумья.

– Ладно, не мучайся, – попытался утешить брата Шаххандан.

– А как нам узнать причину? У кого узнать точные сведения?

– Например, о чём?

– О состоянии Хуснии...

– Рано утром я пойду и всё разузнаю.

Ночь выдалась душная, ни малейшего дуновенья ветерка. Сеид Али и Шаххандан лежали на балконе, но у братьев сна не было ни в одном глазу. Поэт, томясь в печали, всю ночь терзался одной мыслью: если бы не поддержка Ибрагим-шаха, то его, Сеида Али, или убили бы, или изгнали бы из города. А если с Ибрагим-шахом что-то случится или он уедет на некоторое время, то что будет с ним? Ну вот, служанку похитили... Интересно, не убили ли бедняжку? Завтра в любом случае что-то выяснится. А пока необходимо оповестить мусаллима Мугтадира Огуза. Но время в этой ночной духоте словно замерло, утро никак не хотело наступать...

Сеид Али уснул лишь ближе к утру...

В отличие от брата, поэт, утомлённый ночными волнениями, проснулся довольно поздно. Открыв глаза, он торопливо поднялся и воскликнул:

– Шаххандан!

Со двора раздался голос:

– Я здесь!

– Уже полдень! Почему ты не разбудил меня?

– Меня не было дома, я пришёл только что...

– А где ты был? – тревожно спросил Сеид Али.

Шаххандан многозначительно покачал головой:

– Я же ночью обещал тебе... Я был у Хуснии.

– Ты шутишь? – воскликнул поэт. – Не может быть!..

– Честное слово, не шучу.

– Смог увидеть Хуснию?

– Конечно... А зачем я ходил?

– Интересно... И о чём вы говорили?

– Вкратце: обо всём...

Поэт поспешно оделся и спустился во двор:

– А теперь по порядку – о чем вы беседовали?

Шаххандан протёр лоб:

– Я сказал ей: «Ты знаешь, что мой брат сходит по тебе с ума? Даже не спит по ночам...» Она взволновалась, покраснела... И призналась честно, открыв свое сердце: «Я тоже люблю его и согласна выйти за него замуж. Но при одном условии...»

Сеид Али вздрогнул, сердце его бешено забилося.

– А что за условие? – спросил он, стараясь взять себя в руки.

– Её условие таково, чтобы после женитьбы вы никогда не покидали Шемаху.

– А ты что ответил?

– Я ответил, что ты согласен, так как приехал навсегда.

– Ты так ответил, не узнав моего мнения?

– Братец, своё мнение ты выразил в день приезда, ты обещал жениться. И потом, кто тебе дороже – мюриды Халеба или Хусния?

Сеид Али только сейчас заметил, что на голову брат накинул женский платок.

– А это что? – с удивлением спросил он.

– А ты не понял? Как иначе я мог тайком подступиться к замку Сальминаз-хатун?

– У меня просто слов нет, – вздохнул Сеид Али. – А теперь расскажи всё по порядку.

– Значит, рано утром в двери замка Сальминаз-хатун стучится молоденькая девушка. Как ты уже понял, эта девушка – я.

Дверь открывает здоровенный слуга и спрашивает:

– Тебе кого, девушка? Что тебе нужно?

– Сестричка Хусния заказывала кольцо, вот я и принесла.

– Отдай мне, я передам.

– Не отдам! Мне приказали передать ей лично в руки.

Смерив девушку взглядом, слуга говорит:

– Хорошо, подожди-ка здесь, – и удаляется.

Хусния причёсывалась в своей комнате. Раздаётся стук в дверь.

– Войдите, – говорит она.

В комнату входит слуга:

– Прошу прощения, – говорит он, – какая-то девушка принесла заказанное вами кольцо.

– Какое ещё кольцо? – с недоумением спрашивает Хусния, но, сразу же поняв, в чём дело, поспешно говорит: – Да, я вспомнила... Скажите, пускай принесёт.

Слуга по имени Баламирза удаляется. Спустя некоторое время открывается дверь, и «девушка» входит в комнату.

Шаххандан внезапно вышел из роли, когда пересказывал в лицах свое приключение, и продолжал нормальным голосом:

– Хусния сразу же поняла, что я – парень, и, рассмеявшись, сказала:

– Я узнала тебя... Видела тебя рядом с Сеидом Али... Ты его брат?

– Да, – ответил я, сняв с головы платок. – Меня зовут Шаххандан, я брат любящего вас Сеида Али Имадеддина Насими.

Хусния весело рассмеялась.

– Тот самый Шаххандан, – продолжил я, – который до мозолей на пальцах переписывает стихи брата, посвящённые вам.

Хусния с улыбкой взглянула на меня:

– Сестра, – обратился я к ней. – Вы прекрасно знаете, что мой брат любил вас ещё во время учёбы в медресе. А из Халеба в Шемахе он приехал, мечтая встретиться с вами. Вчера он был сильно взволнован, когда увидел вас на кладбище. Думаю, было бы неплохо, если бы вы встретились. А о том, где и когда вы встретитесь, вы можете сообщить письмом...

Сказав это, я вновь накинул платок и, выходя, встретился у дверей с Сальминаз-хатун.

– Ой, кто эта девушка? – с удивлением воскликнула Сальминаз.

– Здравствуйте, и всего доброго, – промолвил я женским голосом и поспешно вышел во двор.

Слуга долго провожал меня взглядом, я чувствовал этот взгляд у себя на затылке, когда уходил – видимо, он что-то заподозрил. Тогда я обернулся и помахал ему рукой...

– Ясно. – Сеид Али покачал головой. Чувствовалось, что напряжение у него немного спало. – А какие вести о тёте Гюльназ? – внезапно вспомнив, спросил он.

– Наверно, скоро появится, – неуверенно ответил брат.

До вечера от тёти Гюльназ не было никаких вестей.

Наконец Шаххандан, не выдержав, отправился к ней домой. Немного спустя во двор вошла маленькая девочка. Гачалан залаял, а Сеид Али, прикрикнув на пса, пошёл к ребёнку:

– Деточка, ты кто? Что тебе надо?

– Дяденька, вы – Сеид Али? – спросила девочка.

– Да, это я. А что?

Девочка достала клочок бумаги и протянула ему:

– Это вам. От Хуснии...

У Насими пересохло в горле. Взяв листок дрожащими пальцами, он поблагодарил девочку и торопливо пошел к дому. Обернулся – девочки уже не было.

Он развернул адресованное ему первое любовное письмо, где крупными буквами было написано: «Завтра, во вторник, ближе к вечеру постучись в дверь красного кирпичного дома, расположенного за женской баней Гаджи Вейсала». И всё. Всего одно предложение. Не было даже подписи...

* * *

День близился к вечеру. Азан Гаджи Азима разносился по всему кварталу, и поэту, пребывающему в грёзах, казалось, что по небу движется не розовый караван облаков, а нарядный паланкин Хуснии. Ну вот, невеста – писаная красавица мира – выходит из паланкина и направляется к нему, поднимается по ступеням, но ступеньки никак не заканчиваются. Наконец солнце исчезает за горизонтом, и вместе с ним исчезают и розовые грёзы...

Может, это всё мираж или один из снов, приснившихся ему в дороге, в далёких пустынях Сирии? Нет, клочок бумаги – письмо – было у него в руке, и он невольно шепнул:

*Хоть и беден Насими, не имеет он богатства,
Но взамен он наделён искренней твоей любовью...*

* * *

Внезапно открылась дверь, оторвав поэта от грёз, и Шаххандан вошёл во двор.

– Ну что, ты нашёл тётю Гюльназ?

– Да, она ужинала вместе с сыном.

– Слава Аллаху! А где она была все эти дни?

– Завтра придёт и сама всё расскажет.

– Это всё, что ты можешь сказать?

– А что ещё ты хочешь услышать?

Увидев письмо в руке у брата, Шаххандан очень удивился.

– А что это у тебя в руке? – и, взглянув на покрасневшего брата, продолжил:

– Неужели письмо от твоей любимой Хуснии? Дай-ка сюда...

Поэт протянул листок брату. Шаххандан прочёл краткое письмо и радостно вздохнул:

– Вот видишь? Сватовство оказалось удачным... Но я не знаю, как это воспримут поэты Ширвана, как они переживут это? Сколько бы мы ни скрывали, рано или поздно эта тайна раскроется.

– После того, как всё станет явью, всё образуется...

– Нет, братец, зависть и коварство никогда не исчезают. Эти качества умирают лишь вместе с человеком...

– На меня клеветают поэты. Ты только представь: оказывается, в Шемахе каждый третий сапожник, каждый четвёртый цирюльник и каждый пятый банщик – поэты.

– Братец, я, кстати, далеко не в восторге от воспеваемого тобой хуруфизма.

– Почему же? – спросил Сеид Али. – Я впервые слышу от тебя такое признание...

– Ей-богу, это бессмыслица... Многократно переписывая священный Коран, я выучил наизусть почти все его суры. И ни в одной из них не указано, что имя Аллаха запечатлено на лице человека.

Сеид Али не на шутку рассердился, но не показал вида и попусту спорить с братом не стал.

А Шаххандан беззаботно продолжал:

– Ты пишешь, якобы, на лице у человека имеются семь черт: две брови, четыре ряда ресниц и волосы. Ну и что? Ещё есть усы, борода, подбородок, губы... Ей-богу, это всё пустое.

– Братец, всё это сказано и написано не раз и не два и разошлось по всему миру... – тихо, подавляя поднимавшуюся в душе ярость, промолвил поэт.

В это время открылась дверь, и тётя Гюльназ вошла во двор. Шаххандан поспешно принёс для неё табуретку:

– Садись, тётенька, и расскажи поподробнее, где ты была все эти дни?

– Вы не поверите, если расскажу... Мне и несчастному моему сыну завязали глаза и усадили в фаэтон. Мы даже не поняли, кто они, и куда нас везут. И они сами скрывали свои лица платками.

– А почему вы не кричали, не звали на помощь? – взволнованно спросил Шаххандан.

– Они приставили кинжал мне в бок и предупредили, что убьют и меня, и сына, если я хоть пикну. И обещали отпустить нас живыми и невредимыми, если я выполню их требования.

– И что же они требовали? – спросил Шаххандан.

– Требовали, чтобы я передала Сеиду Али, что если он вздумает жениться на Хусние, они его убьют.

Шаххандан удивился:

– И это всё?

– Да, родной.

– Они могли бы сказать это и дома.

– Нет, – оторвавшись от мыслей, промолвил Сеид Али. – Они хотят напугать и тётю Гюльназ, и нас, и показать нам свою силу... Я расскажу об этом случае мусаллиму Мугтадиру Огузу или самому Ибрагим-шаху, чтобы они что-то предприняли. Ибо ничего хорошего всё это не сулит.

* * *

На следующий день Сеид Али сел в фаэтон и направился во дворец. Всю дорогу он бормотал про себя: «Этих наглецов нужно поставить на место, иначе в следующий раз они могут причинить зло Хусние».

Фаэтонщик слышал, как поэт что-то бубнит про себя, и время от времени обращившись и молча смотрел на него...

Сеид Али вышел из фаэтона возле дворцовых ворот. Увидев его, охрана тут же переполошилась, оповещая дворцовых слуг о прибытии поэта.

По приказу главного надзирателя внутренней службы ворота открылись, и за ними появился длинношей советник Дербенди. Удостоверившись, что прибывший действительно Сеид Али, Дербенди сделал знак стоявшему рядом с ним придворному.

Сеид Али прошёл внутрь и по мраморной лестнице поднялся наверх. Не промолвив ни слова, советник Дербенди сдал его тайному сотруднику приёмной комнаты Мелику Гызылбашу. Попросив гостя подождать, тот удалился.

В просторной, нарядной комнате, украшенной ширванскими коврами, Ибрагим-шах, стоя на маленькой стремянке, брал и рассматривал стоявшие на полках книги. Увидев, как открылась дверь, правитель спустился со стремянки.

– Проходи, Мелик Гызылбаш! Что случилось?

– Прибыл Имадеддин Насими, ваше величество!

– Так рано? Странно...

– Говорит, что по важному делу...

– Ну что ж,пусти его.

Мелик Гызылбаш вышел к ожидавшему у порога Имадеддину Насими и сказал:

– Проходи, государь ждёт тебя.

Сеид Али вошёл к шаху.

– Какими судьбами, поэт, в такую рань?

Слегка поклонившись, Сеид Али сразу же перешёл к сути дела:

– Я в безвыходном положении, ваше величество! Даже не знаю, что мне делать...

– Расскажи, что случилось?

– Вчера похитили нашу служанку...

– То есть, как похитили? – шах удивленно уставился на поэта.

– Вместе с сыном... Им завязали глаза, чтобы они не видели, куда их ведут.

– И что потом?

– Позднее и служанку, и сына отпустили.

- А какова была цель похитителей?
- Они хотели надавить на меня. Они требуют, чтобы я навсегда покинул Шемаху.
- Вот как... – задумчиво промолвил Ибрагим-шах, затем грозно крикнул в сторону дверей: – Мелик, сейчас же вызови ко мне мусаллима Мугтадира Огуза!
- Слушаюсь, – промолвил стоявший у дверей Мелик Гызылбаш и отправился выполнять поручение правителя.
- Ибрагим-шах, улыбаясь, взял Сеида Али под руку и подвёл к книжным полкам:
- Незадолго до твоего прихода я искал книгу сирийца Абуль Фараджа. Он наш современник – очень умный, глубокий мыслитель. Ты знаком с его творчеством?
- Знаком, – ответил Сеид Али. – В Халебе я даже встречался с одним из его преемников.
- Ибрагим-шах с изумлением улыбнулся:
- Даже так? Счастливчик! Наверно, он так же умён и мудр, как его предшественник?
- Совершенно верно! Он большой учёный...
- Беседуя о поэтах и учёных Халеба и Дамаска, Ибрагим-шах и Сеид Али медленно направились к входной двери и оказались на полукруглом крытом балконе.
- Как хорошо, что ты пришёл, – сказал Ибрагим-шах. – Пообедаем вместе. Трапеза ждёт нас.
- Я совсем недавно перекусил, ваше величество... – ответил Сеид Али.
- Так рано? Ты, кстати, вроде, холост... – сказал шах и тоном, не терпящим возражений, добавил: – Садись!
- Сеид Али сел. Не успели они промолвить «Бисмиллах» перед обедом, как дверь открылась, и за ней тихо, как тень появился Мелик Гызылбаш:
- Мусаллим Мугтадир Огуз по вашему приказанию прибыл, ваше величество!
- Пусть войдёт!
- Сказав это, Ибрагим-шах отправил в рот кусок хлеба, намазанный маслом и мёдом, и поэт с удивлением заметил на руке бывшего пахаря следы от мозолей. Ведь за эти годы Ширваншах с лёгкостью мог избавиться от мозолей...
- Это говорило о том, что государь отнюдь не стеснялся своего прошлого, когда собственными руками возделывал и пахал землю...
- С удовольствием жуя хлеб, Ибрагим-шах возобновил беседу:
- Мне нравятся несколько анекдотов Абуль Фараджа. Один из них я часто вспоминаю и каждый раз не могу удержать смеха.
- Догадываясь, какой именно анекдот имеет в виду правитель, поэт всё же, в знак уважения желая показать свою заинтересованность, спросил:
- А какой анекдот?
- В это время в комнату вошёл мусаллим Мугтадир Огуз и поклонился.
- Улыбка исчезла с лица Ибрагим-шаха в одно мгновение.
- Ты хоть знаешь, какие события происходят в городе? – грозно спросил он.
- Знаю, ваше величество! – ответил мусаллим.
- Если знаешь, тогда доложи...
- В городе появился отряд заговорщиков против Имадеддина Насими.
- А ты стоишь в стороне и наблюдаешь, да? – с иронией отметил Ибрагим-шах.
- Ждёшь, чтобы в один прекрасный день похитили и тебя?
- Нет. Я выжидаю время, чтобы выявить их личности.
- И как? Выявил?
- Разумеется...
- И кто же они?
- Поэт Бахлули, Ровшан Ягуби, Гуламали, Гаим Ширвани, Таджаддин Ширвани, Ахмед Кесиреддин, Мулла Халил, цирюльник Забани, кудесник Юсиф Сабаи, лоту Ис-

фандияр Гутлук, а также поэт Абдулла Камиль, который приехал из Баку пару дней назад и примкнул к ним.

– Ясно, – сердито возвысил голос Ибрагим-шах. – Если сегодня эти люди посмели так открыто, без зазрения совести покушаться на величайшего поэта Ширвана, то кто может гарантировать, что завтра они не совершат ещё более тяжкое преступление? Почему же тебе не наказать их, не заточить в темницу?

Мусаллим Мугтадир Огуз покраснел, но, не подав виду, что рассержен, принялся спокойно объяснять:

– Ваше величество, среди них имеются мои верные люди, которые регулярно оповещают меня обо всех их намерениях.

– Что ж, отлично! Тогда скажи, какие шаги они намерены предпринять?

– Пока что их единственная цель – помешать воссоединению поэта с любимой женщиной и добиться его изгнания из города. Этого с особым усердием требует Абдулла Камиль от имени бакинских поэтов.

Услышав это, шах с улыбкой обратился к Сеиду Али Имадеддину Насими.

– Значит, ты собираешься жениться? Что ж, поздравляю! Заранее скажу – очень мудрое решение.

Сеид Али смутился. Ибрагим-шах, не отрывая от него взгляда, добавил:

– Прекрасное решение – поддерживаю! – и вновь обратился к мусаллиму Мугтадиру Огузу приказным тоном: – Сегодня же все эти заговорщики должны быть заточены в темницу. Ноги – в кандалы, и никого к ним не впускать!

– Слушаюсь! – поклонившись, ответил мусаллим Мугтадиру Огуз. – Сегодня же ночью все они будут сидеть в темнице.

– А почему ночью? Днём нельзя?

– Ваше величество, сейчас они – кто где, их надо разыскать, найти, преследовать, задержать... Одних возьмем, остальных спугнем, спохватятся, скроются... А ночью заберём всех их по одному, комар носа не подточит...

– Ну хорошо, я понял... Как только выполнишь приказ – сообщи мне!

– Слушаюсь!

– Можешь идти! – шах отпустил мусаллима и обратился к Сеиду Али: – Как ты думаешь, долго ли ещё Гара Юсиф и Мираншах будут грызть друг другу глотку?

– Думаю, да... Они никак не угомонятся...

– Очень плохо... Казна опустошается, все деньги уходят на войну. Жаль, что у меня сейчас встреча с иностранными послами – иначе поговорили бы мы с тобой вволю... Если бы ты знал, как сильно я нуждаюсь в мудрых наставлениях. Ну ничего, в другой раз... Но смотри – не забудь пригласить на свадьбу!

– Да какая свадьба в моём возрасте, ваше величество? – шутливо ответил поэт.

– Не прибедняйся... Ты ещё достаточно молод!

* * *

Поздно вечером Сеид Али с душевным трепетом постучался в дверь дома, указанного Хуснией. Из дома раздался долгожданный, такой милый голос:

– Кто там?

– Это я, Сеид Али.

Дверь слегка приоткрылась.

Они встретились как юные любовники. Сели напротив друг друга при свете свечи и долго молча, не в силах оторвать взглядов, смотрели друг на друга. Внезапно поэт всех поэтов поднял голову и что-то прошептал.

– Что это ты шепчешь про себя? – спросила Хусния.

– Я благодарю Аллаха за сегодняшний день, за то, что мои частые желанные

сны сбылись. И за то, что подарил мне тебя, такую молодую и красивую.

– Значит, будь я старше, ты бы не полюбил меня?

– Я бы полюбил тебя любую. Слышишь?

Коль нет тебя, мне небосвод зачем?

Мир этот или даже тот зачем?

– И что дальше? – счастливая Хусния закрыла лицо платком с цветочным узором.

– Тянусь я лишь к тебе, и без тебя мне

Всё то, что вянет иль цветёт, зачем?

– И всё?

– Твой чистый взгляд я вижу в каждом взгляде,

Всё так, и доказательств гнёт зачем?

– И это всё? – Хусния, смеясь, словно ребёнок, дразнила поэта.

– Я за тебя бы отдал оба мира,

И думать, что нас дальше ждёт, зачем?

– Это всё? – смеялась Хусния

– Я – Насими, тобою опьянённый,

Мне кабала других забот зачем?

(Перевод Н.Гребнева)

– Ну ладно, о, Насими, мною опьянённый, теперь ответь мне – как теперь быть твоей любимой? Весь Ширван враждует с тобой. Где мы сможем при таких обстоятельствах построить дом, создать семейный очаг, чтобы быть вдали от твоих врагов?

– По приказу шаха этой ночью все мои враги будут заточены в темницу.

– Все твои враги? Ты хоть знаешь, сколько их? Целое полчище! Боюсь, в темницы они не влезут. Люди Сальминаз ежедневно передают нам все известия, услышанные в мечетях, на поминках, на базаре...

Сеид Али оторвал взгляд от мотыльков, кружащихся вокруг свечи и падающих с опаленными крыльями.

– Ничего страшного, – ответил он. – Что-нибудь придумаем. Мы поженимся...

– Когда?

– Сегодня!

– Я не знаю, что будет... Очень боюсь... – она с тревогой взглянула в лицо поэта, на котором даже в полутьме отчётливо читалось волнение. – Может, уедем в Дербент? Там у меня надёжные родственники. Да и жильём будем обеспечены.

– Дербент, Шемаха, Баку... какая разница?.. Я боюсь, как бы нам не пришлось уехать подальше... Но пока не будем торопиться – посмотрим, что предпримет Ибрагим-шах...

Сеид Али взглянул на Хуснию и продолжил:

– А разве ты не думаешь так же, как я? Если мы вместе – для нас везде родина, где бы мы ни жили...

– Хорошо, договорились. Свидетель у меня есть. Завтра в это же время приходи вместе со своим свидетелем и муллой...

Поэт Гаим Ширвани оглядел гостей, сидевших полукругом, и собирался сесть сам, как внезапно во дворе начал громко лаять пёс. Присутствующие насторожились. Пёс не умолкал, лаял всё громче. Гаим Ширвани вышел в коридор и слегка приоткрыл дверь – в комнату вошли Рабия-хатун и незнакомый мужчина. Минуту спустя гости услышали, как Гаим Ширвани начал громко спорить с этим незнакомцем, и внезапно в комнату ворвались несколько вооружённых людей. Они скрутили присутствующих, связали им руки. Шум и возгласы присутствующих потонули в грозном крике мусаллима Мугтадира Огуза:

– Вы арестованы, как члены секретной организации, действующей против государства!

– Наше собрание никак не связано с деятельностью государства, – отовсюду слышались протесты и возражения.

– Так может, вы собрались сюда молиться, совершать намаз?

Строгим взглядом мусаллим Мугтадир Огуз уставился на заговорщиков.

– Абдулла Камиль, ты ведь прибыл сюда из Баку для того, чтобы читать свои газели, не так ли?

Побледневший поэт Абдулла Камиль замер, как истукан. Его толкнули в спину и только тогда он произнёс:

– Совершенно верно! Мы нередко организуем поэтические собрания.

– Поэтические собрания? – мусаллим Мугтадир Огуз, погрозив, чуть не воткнул свой длинный палец ему в глаз. – Иди сюда! Вытряхни все из кармана!

– Пожалуйста... несколько серебряных дирхамов... и всё...

– А что это за бумага? Дай сюда!

– Я впервые вижу эту бумагу.

– Наверно, это твоя жена положила тебе в карман ночью, когда ты спал.

Мусаллим Мугтадир Огуз обратился к стоящему рядом с ним стражнику:

– Бекир!

– Слушаю!

– Всех в темницу, а этого подлеца – прямиком на виселицу!

– Клянусь Аллахом, я ничего не знаю об этой бумаге! – в страхе крикнул Абдулла Камиль и разрыдался.

Мусаллим Мугтадир Огуз обратился к стражнику, уводящему бакинского поэта:

– Стой! – затем обратился к Абдулле Камиллю. – Признавайся – с каким преступным намерением ты прибыл в Шемаху?

– Да, я прибыл в Шемаху с намерением... намерением... Но клянусь священным Кораном – ничего против государства я не задумывал.

– Но всё же, какое-то намерение у тебя было...

– Да, такое же, как и у всех.

– И каково намерение всех? Скажите, чтобы мы знали...

– Или убить, или изгнать из города богохульника Имадеддина Насими...

Мусаллим Мугтадир Огуз вlepил Абдулле Камиллю увесистую пощёчину:

– Молчать, собака! Кто ты такой, чтобы выносить приговор человеку, которому и в подмётки не годишься? – Затем обратился к стражнику: – Пока что его тоже в темницу!

Когда заговорщиков вывели во двор и усадили в тележку, выяснилось, что лоту Камал Маруф сбежал.

– Как это сбежал? – мусаллим Мугтадир Огуз так грозно крикнул, что со страху у стражника пересохло во рту. – Сейчас же обшарить все и найти Маруфа. Он понадобится нам на допросе!..

На следующий вечер возле дома Сальминаз-хатун, расположенного за женской баней Гаджи Вейсала, остановился фаэтон. Из фаэтона вышли трое – шемахинский кадий Абдулвахаб, известный купец Гара Гаплан Секмен и поэт Сеид Али Имадеддин Насими. В доме сидели две женщины, на лица которых падал неяркий свет свечи: одна из них была Сальминаз-хатун, а другая – красавица Хусния.

Гости поздоровались, женщины учтиво встали.

– Ахсан аль-халигуллах! – промолвил кадий Абдулвахаб и едва заметно улыбнулся.

Хусния, соблюдая традиции, спрятала лицо в красный шёлковый платок. Гара Гаплан Секмен неприлично долго глядел на Сальминаз-хатун, пока Сеид Али не ткнул его локтем.

На столе лежал священный Коран, а вокруг большого кувшина с шербетом были расставлены пять хрустальных пиал.

Наконец Гара Гаплан Секмен сказал:

– Прошу вас, господин кадий!

Гази Абдулвахаб взял перо и бумагу и, промолвив «Бисмиллахир-рахманир-рахим», сначала расспросил Хуснию, а затем – Сеида Али, и начал что-то писать. В комнате царила мёртвая тишина – было слышно лишь дыхание присутствующих и шорох пера, скользящего по бумаге.

Кадий Абдулвахаб записал полученные ответы, и каждый присутствующий поставил свою подпись. Кадий приложил к бумаге печать со своего перстня и, согласно законам шариата, объявил Имадеддина Насими и Хуснию мужем и женой.

Гара Гаплан Секмен поздравил молодожёнов и наполнил пиалы шербетом. Присутствующие по очереди пожелали молодожёнам счастья и долгих лет жизни. Затем Сеид Али и Хусния, держась за руки, вышли из дома и сели в ожидавший их фаэтон. Оставшиеся на прощание долго махали руками им вслед, пока фаэтон не скрылся из глаз. Кадий Абдулвахаб и Гара Гаплан Секмен попрощались с Сальминаз-хатун, сели в свой фаэтон и уехали.

Сальминаз-хатун велела слуге запереть ворота, потом подозвала его, и они вместе вернулись в дом.

В эту знойную летнюю ночь в домах Шемахи царила полная тишина, и только шаги редких прохожих и лай собак изредка нарушали эту тишину...

Столица Ширвана переживала мятежные, беспокойные дни. По призыву поэтов Шемахи и Баку в город толпою прибывали люди из Тебриза, Ардебилля и Зенджана. Этот тревожный призыв пахивал кровью.

«Дорогие братья, многоуважаемые поэты нашей великой родины! Несколько лет тому назад в Шемахе появился некий поэт-самозванец, который своими богохульными сочинениями не только порочит нашу свящённую религию, но и нелестно отзывается об Аллахе и пророке, оскорбляя дух нашего народа. Этот мерзавец отрёкся от священных традиций наших поэтов и творит не на великом персидском, а на тюркском, языке черни. Кроме того, пользуясь расположением Ибрагим-шаха, этот негодяй распространяет свои богохульные стихи по всей нашей стране, развращая молодежь, учащихся медресе. Дабы положить конец всему этому позору, призываем вас в срочном порядке собраться в Шемахе. Нам нужна ваша помощь. В последний вторник августа мы намерены осадить дом этого богохульника, изгнать его из Ширвана, а также запретить появляться в Баку и Гяндже».

Под этим письмом подписались все поэты Ширвана.

Гонцы распространили этот призыв во всех областях и провинциях Азербайджана, и немного спустя в Шемаху хлынули толпы рифмоплётов со всех уголков страны.

Как на грех, в это время Ибрагим-шах находился в паломничестве. Разумеется, придворные были осведомлены о происходящем. Однако осторожный мусаллим Мугтадир Огуз не желал предпринимать что-либо без указания Ибрагим-шаха и относился ко всему происходящему равнодушно...

* * *

Однажды вечером, спустя две недели после того, как Сеид Али привёл Хуснию к себе домой, раздался стук в ворота.

– Кто там? – спросил Шаххандан и направился к воротам.

– Это я – Гара Гаплан Секмен.

Шаххандан открыл ворота, и Гара Гаплан Секмен, держа за узду лошадь, завёл её во двор.

– Где Сеид Али? – поздоровавшись, спросил он.

– Дома, конечно же... Где же ему ещё быть?

– Позови его сюда!

Шаххандан вернулся в дом и через некоторое время появился во дворе вместе с братом.

– Дела плохи, – промолвил Гара Гаплан Секмен, качая головой.

– Что случилось? – спросил Сеид Али.

– В Шемаху прибыли поэты из Баку, Ширвана, Гянджи, Карабаха и Дербента и наводнили все дома и дворы Сарыторпага. Как назло, Ибрагим-шах находится в отъезде. Боюсь, как бы до его возвращения...

Сеид Али беспомощно взглянул на Гара Гаплана Секмена:

– И что мне теперь делать?.. А что говорит мусаллим Мугтадир Огуз?

– Он говорит, что если мы преградим путь этой толпе, то кровь польётся рекой.

И потом он не хочет действовать без приказа Ибрагим-шаха...

Поэт задумчиво шепнул:

*– В этом бренном мире, Насими, всё ложно...
Никому не доверяй. Это безнадёжно.*

Шаххандан в страхе от услышанной злой вести невольно выронил из рук кувшин с водой. Гара Гаплан Секмен прикрикнул на него:

– Что ты наделал? Зачем ты пролил воду? Её можно было пить, умыться...

Нутро у меня горит от жажды...

– Выходит, полчище завистников и мерзавцев одержало верх, не так ли?

– Да, так! Но не навсегда. Их победа временна...

Поэт взглянул на Шаххандана:

– Родной мой, – сказал он, – может, ты тоже поедешь с нами?

– Нет, братец, нет!

Гара Гаплан Секмен обнял Шаххандана:

– За него не беспокойся, я буду рядом... Один верблюд у вас уже есть, ещё одного я привёл – вот он, во дворе... Но твой верблюд показался мне каким-то грустным. Видимо, он состарился...

– Нет, он молод. Наверно, тоскует по Халебу.

– А когда вы выезжаете?

– Сегодня ночью, ближе к утру... Пока все спят...

Шаххандан прослезился:

– Я догадывался, что всё обернётся именно так. И оказался прав. Ты и сам пишешь в своих стихах – завистники неистребимы! И потом, если честно, невозможно жить в бесконечном страхе и опасности. Живи лишь миг – но живи свободно!

– Братец, родной, зло и вероломство – они не вечны. Как только появится возможность, я вернусь...

* * *

Увидев взволнованного Сеида Али, Хусния не на шутку встревожилась:

– Откуда этот верблюд?

– Это подарок Гара Гаплана Секмена.

– По-твоему, я ничего не понимаю? Нас изгоняют из Ширвана!

Сеиду Али пришлось признаться:

– Да, изгоняют. Но что мы можем поделать?

– А где же твой верный друг Ибрагим-шах? И куда пропал мусаллим Мугтадир Огуз?

– Не волнуйся! Такое бывает... Ибрагим-шаха здесь нет, он в отъезде. И потом: до каких пор он будет охранять нас? Заговорщиков ведь немало... Все мракобесы и невежды собрались в Шемахе, и завтра они собираются осадить наш дом...

Хусния, словно ожидая этих слов, испуганно всхлипнула. Насими погладил её по голове.

– Я и без того неусидчив... Сюда я прибыл, чтобы увидеть тебя и Шаххандана. Поверь, мы не покидаем Ширван навечно, уповая на Всевышнего. У меня много друзей и единомышленников по всей Анатолии, в Дамаске, Халебе, и даже в Египте – их двери всегда открыты для нас! Правители выйдут нам навстречу. И ты не думай, что я просто уговариваю тебя! Всё, что я говорю – чистая правда. А теперь постели нам – уже спать пора. Нам предстоит долгая дорога...

* * *

Десятого августа 1408 года, рано утром, когда на небе вспыхнули первые лучи солнца, по дороге, ведущей из шемахинского квартала Сеидляр к городским воротам, медленно вышли два верблюда, на которых сидели великий поэт Востока XV века Сеид Али Имадеддин Насими и его жена – шемахинская красавица Хусния.

У ворот дома, плача навзрыд, стоял пятнадцатилетний Шаххандан – единственный брат поэта и последний представитель его рода.

Сеид Али Имадеддин Насими покидал Ширван победителем – злоумышленникам не удалось разлучить его с Хуснией и помешать их счастью. А о тайном отъезде поэта они ещё не знали.

Шаххандан плакал, понимая, что больше никогда не увидит брата: ведь это было его последним путешествием!

Сеид Али Имадеддин Насими, невзирая на все свои печали и невзгоды, был счастлив. Он покидал брата и родную землю, но с ним навсегда оставались четыре стихии, делающие человека счастливым: любовь, слава, почтение и Родина!..

Родина навсегда оставалась с ним, в его душе, так же, как оставался с ним навечно родной азербайджанский язык!..